

КОНСТАНТИН ФРЕС

КТО
САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ
ЛОСЬ

Константин Фрес

Мой самый любимый Лось

«Литнет»

2020

Фрес К.

Мой самый любимый Лось / К. Фрес — «Литнет», 2020

Хорошие девочки не напиваются до потери всех чувств и не уходят с вечеринки с первым попавшимся красавчиком. Хорошие девочки не просыпаются поутру неизвестно где голышом, совершенно ничего не помня. Если вы так поступаете, у меня для вас новость: вы - очень плохая девочка. И у вчерашнего знакомого-красавчика насчет вас нет никаких заблуждений, он подцепил пьяную девицу чтобы развлечься. Что?! Не воспользовался?! Не тронул?! Кто приличная девушка в беспомощном состоянии?! Ну и олень ты, Лось... ТЕПЕРЬ ЕСТЬ БУМАЖНАЯ ВЕРСИЯ НА ОЗОНЕ И ВАЙЛБЕРРИЗЕ!

© Фрес К., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Анька	5
Глава 2. Анька и Лось	9
Глава 3. Дерзкий побег	14
Глава 4. Вот это поворот...	18
Глава 5. Сделка века	22
Глава 6. Лосиный брачный танец	26
Глава 7. Акула	29
Глава 8. Лось и Акула	33
Глава 9. Три хитреца	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Анька

— Пить...

Голос, которому полагалось звучать нежно, жалобно, и вызывать в сердцах услышавших сочувствие, понимание и прощение, на самом деле здорово походил на утренний циничный хрип злого курильщика со стажем.

И потому Анька, расслышав свои завывания, облизнула пересохшие губы и от мысли приманить потенциального водоноса отказалась.

В голове взрывались бомбы, в рот нагадили кошки, а в мозгу кто-то безжалостный лабал тяжелый рок.

Особенно старался ударник; он так молотил в мозжечок, что при попытке подняться Анька почувствовала, как земля уходит из-под ее конечностей, и беспомощно завалилась на бок, как подстреленное животное.

«Лучше бы я умерла вчера», — проскулила Анька мысленно и снова нырнула под нагретое одеяло.

Совість нещадно глодала мозг и гаденько усмехалась.

Анька не помнила, есть ли ей в чем раскаиваться, но раскаивалась во всем — на всякий случай. И, самое обидное, она не помнила ничего.

Ну, абсолютно ничего.

То есть, конечно, кое-что она все же помнила.

Питер, клуб, веселый тусняк, Новый год — о, они ж всей компашкой встречали Новый год! — шампанское, потом много шампанского, а потом...

Дальше Анька вспоминала с трудом.

Кажется, она дошла до кондиции, и даже порция освежений не помогла.

Анька себя хорошо знала; стоило градусу стать критическим, как веселье тотчас сменялось вселенской болью, слезы катились градом, и она всем и каждому рассказывала, что «ан-на-а-а уеха-а-ала, ы-ы-ы-ы!» и порывалась припасть собеседнику на грудь и обслонявить жилетку.

Анька тосковала по подруге, скоропалительно выскочившей замуж за испанца и укатившей в теплые края, поджаривать задницу под солнцем Андалусии до румяной корочки.

Более близкой подругой Анька за всю свою короткую жизнь не обзавелась, и в минуты алкогольного дзена тоска наваливалась на нее вместо просветления.

В этот раз все произошло точно по тому же сценарию, привычному и накатанному.

Анька наела, и уже совсем собиралась в номера, напоследок как следует, всласть, поплакав и высморкавшись в пару галстуков от Версаче, как какой-то провокатор и козел — не иначе как его галстук пострадал больше всех, — решил излечить раненную Анькину душу (или отомстить, что более вероятно) путем жесточайшей дезинфекции спиртом.

Анька точно не могла сама, добровольно, влить в себя «Бехеровку» после шампанского.

Краешком ускользающей памяти она все же помнила, как отказывалась, как почти отбивалась от этого, в сопливом галстуке, строя из себя благородную институтку и заверяя, что вовсе не умеет пить.

Но отец с воротилами — скучные кошельки с ушками! — растворился где-то на просторах заведения, и заступиться за Аньку было некому.

Анька пала.

И «бехеровка» полилась в ее глотку как расплавленный свинец — грешнику.

— Испанский стыд, — пропитым бомжацким голосом хрипела несчастная Анька из-под подушек, вспоминая свой жаркий танец на столе, разнузданное веселье и чьи-то невероятной красоты серые глаза напротив своих.

Правда, тут память точно могла ее подвести, ибо «Бехеровка» дала нехилый крен и шторм как у Айвазовского на полотнах, а также перекося в эстетическом восприятии.

Глаза могли быть на самом деле средней паршивости, но на тот момент Аньке показалось, что ничего красивее она в жизни своей не видела.

Она свалилась на колени к обладателю этих серых глаз, лицом к лицу. И, кажется, он вынужден был придержать ее за талию, не то Анька пала бы к его ногам, и отнюдь не от разбушевавшегося в ее душе восхищения. Хотя и от восхищения тоже.

С изумлением глядя незнакомому мужчине в невозмутимое, поистине арийское лицо, Анька подумала — вот бывают же на свете такие, хоть бы одного вживую увидеть.

То ли от одиночества, то ли от душевной широты, то ли благодаря винным парам, возносящим ее дух едва ли не на Парнас, Анька вдруг решила быть поэтичной и сделать комплимент мужчине, который, как ей почему-то показалось, заскучал.

— Милый, — прошептала она своим нежным, чистым голосом, игриво проведя намяньюренным пальчиком по небритой арийской щеке, — господи, тебя что, выгнали с Олимпа? Не переживай, это они от зависти, милый!

Ни один мускул не дрогнул на лице арийца, и Анька тотчас в нем разочаровалась.

«Бехеровка» зажигала в голове Аньки фестивальные огни и требовала всеобщей любви, а ариец был так неподвижен и холоден, что Анька почувствовала легкое протрезвление от его ледяного взгляда.

— Из Финляндии, — разомкнув свои каменно-твердые губы, произнес ариец. — Не с Олимпа — из Финляндии.

Финнов — даже красивых, — Анька за их неторопливость и общую моральную скучность не любила, и это сию минуту выписалось на ее лице. Улыбка сползла с него, сменившись гримасой откровенного ужаса, и Анька рванула с его колен с бесхитростным «ну нахер!» с такой скоростью, будто упомянутый финн пытался взять ее в плен и расстрелять по приказу Вермахта.

Но впереди ее ждал мерзавец с «Бехеровкой» наперевес, и выбор был невелик: либо красивый, но финн, либо веселый, но дьявол. И Анька, рассудив довольно трезво для мертвецки пьяной, выбрала финна.

— Изыди! — рявкнула она весельчаку с «Бехеровкой».

Выпад в его сторону был такой яростный, что она не удержалась на ногах, упала обратно на колени к финну, и тот снова вынужден был ее крепко держать, чтобы Анька не скатилась на пол.

Томно обнимая его за шею, преданно глядя ему в глаза, Анька прошептала жалобно и умоляюще:

— Спаси меня, северный олень, а? А я тебе б ребеночка родила... уно, уно, уно, ун момент-о-о-о...

А дальше в памяти Аньки был огромный провал.

Огромный-огромный и черный.

Она абсолютно ничего не помнила ни о том, как покинула гостеприимное заведение, ни о том, с кем она его покинула.

Ни куда она его покинула.

Мыслей о том, где она находится, не было никаких абсолютно.

Номер в гостинице? Городская хата знакомых?

— Где я, кто я, — стонала страдальца, насилу продрал глаза.

Под щекой Анька ощущала горячий мех, то ли длинношерстная овчина, то ли еще что-то.

«Я не скорняк, я в шкурах не разбираюсь!» — сварливо подумала Анька, оправдывая свою некомпетентность в этом вопросе неизвестно перед кем.

Вокруг нее лежали подушки — много подушек. И укрыта она была не одеялом, а шерстяным пледом, под которым было ужасно жарко.

Пока Анька сопела в пушистый мех, подлая память издевательски подсунула еще кусок воспоминаний: вот она, Анька, стоит кверху задницей на коленях, а голова ее блаженно лежит на этом самом меху.

— Анья, пойдем, я уложу тебя в постель! — бубнит над головой чей-то нудный голос.

Но Анька злобно мычит, вцепляется в мех зубами и руками, и, нетрезво покачивая задницей, пытается ногой лягнуть призывающего к порядку.

— Анья!

Кто-то пытается поднять ее, но Анька намертво приклеилась к чертовой шкуре, и в постель ее можно уложить только с этим половиком.

— Отстань от меня! — мычит Анька, когда неизвестный, устав сражаться с внезапно вспыхнувшей Анькиной любовью к половику, уложил ее на место. — Мишка хо-ороший, я мишку люблю... Иди отсюда, убийца мишек...

— Ой, стыдоба-а-а, — стонала Анька сейчас, вспоминая весь этот разврат, наворачивая на голову шерстяной плед и обещая высшим силам сшить себе из него паранджу. — Пьянка — зло... простите меня, люди хорошие...

— Ты уже проснулась, Анья? Как ты себя чувствуешь?

Возящаяся, как крот в ведре с землей, Анька на миг затихла, переваривая услышанное.

Голос свше — чересчур спокойный, безэмоциональный, — навесил ей какие-то неприятные ассоциации.

— Ты кто, — замогильным голосом произнесла Анька, и ее жопка сама собой поднялась, словно кобра на игру заклинателя змей, так же нетрезво покачиваясь, как вчера. — Я тебя не знаю.

— Я твой северный олень, — вымороженным до сухого остатка, будничным и мертвенно-спокойным голосом произнес неизвестный. — Я тебя спас, а ты обещала мне детей. Свои обязательства я выполнил.

Анька затихла, как крот под лопатой — а затем резко уселась торчком, потирая глаза.

Огромная роскошная комната, в которой себя обнаружила Анька, была залита ярким дневным светом.

Во всю стену, наверное, во все шесть метров было панорамное окно, за которым был балкон, припорошенный снежком — и захватывающий дух вид, мороз и солнце, как говорится.

Снег сверкал нетронутой белизной до самого горизонта, до ослепительно-синего неба, и ветви сосен, чуть покачивающиеся на ветру, выглядели на этом потрясающем фоне ярко и как-то празднично, что ли.

Слева от Аньки, окопавшейся в подушках, была огромная, как теннисный корт, кровать — Анька пала всего в шаге от нее, не дотянула совсем чуток.

Над ней, закрывая свет, неподвижно, как статуя Ленина в парке, замер тот самый красивый финн, молча протягивающий ей стакан с прозрачной, вкуснейшей, чистейшей водой.

На дне стакана, распадаясь на пузырьки, шипела таблетка аспирина.

Жажда была так сильна, что Анька сначала подскочила, требовательно протягивая руки к живой влаге, а уж потом сообразила, что, во-первых, она голая, а во-вторых — красивый финн, обладатель серых гипнотических глаз, просто чудовищно огромен.

Жадно глотая воду, Анька приплясывала от стыда и тихого офигения.

Красивый финн был не просто высокий — он был мощный, огромный, как шкаф с антресолями. Большая светлая комната в его присутствии казалась маленькой и тесной.

Голова финна почти упиралась в потолок.

Какая-то домашняя белая толстовка, обтягивающая его мощную грудь, широкие плечи и огромные бицепсы, выглядела как распашонка на Терминаторе, и Анька невольно сравнила мужчину с аккуратно зачехленным танком.

И вместе с этим финн был очень красив.

Анька вспомнила свое вчерашнее почти детское восхищение, желание увидеть живьем, потрогать такого красавца — и ее бесхитростная новогодняя мечта сбылась.

«Вот это лось!.. Интересно, — размышляла потрясенная Анька, возвращаясь к жизни и нахально, не тушуясь, глядя в истинно арийское лицо красивого финна, — а у него все такое большое? Или открываешь створки шкафа, ожидая Нарнию, а тебе — бряк-с! — выпадает маленький ключик на веревочке... И вот еще вопрос: если я без трусов, но спала на полу, было у нас чего или нет?»

— У нас ничего не было, — предвосхищая ее вопрос, таким же от мороженным голосом произнес красивый финн, поблескивая своими ледяными серыми глазами. — Я не смог бы воспользоваться доверчивой приличной девушкой в беспомощном состоянии.

«Приличная девушка!.. Странные у него представления о приличиях. Интересно, неприличные тогда какие?»

— А одежда?..

— Я раздел тебя, Анька, — спокойно подтвердил Лось, все так же угрожающе нависая над голой Анькой. Странно, но он разглядывал ее, и на лице его не выписывалось никаких эмоций вообще. Словно ее нагота его не волновала совсем. — В вечернем платье, в туфлях спать неудобно.

Анька насмешливо фыркнула, скрывая свое смущение.

— Трусы мог бы и оставить.

— Трусы ты сама сняла, — невозмутимо парировал финн. — Ты кинула их в меня, подзывая к себе, на пол.

«Японский городской! — подумала она, подавляя острое желание ухватиться за голову. — Не смог воспользоваться... ну и олень ты, Лось! Второго шанса у тебя не будет. Похоже, ключик-то с веревочки сорвало. Или вообще... он по мальчикам. Тогда какого черта он меня к себе приволок? Не, ты глянь, ты глянь! Этот парнокопытный рыцарь щас еще и на колено передо мной бухнется. Будет землетрясение и цунами смоет японские острова... Доверчивая приличная девушка в зюю...»

Но вместо этой язвительной тирады Анька внезапно севшим голосом пискнула:

— Мне бы в душ...

Глава 2. Анька и Лось

После душа обезвоженное туловище Аньки ожило как кактус после дождя.

Всякий раз после вечеринок, которые неизменно заканчивались похмельем, раскаянием и головной болью, Анька возвращалась к жизни старым проверенным средством. Она долго отмокала в ванной, стирая с тела и с души неприятные воспоминания, отмываясь от грязи — от алкогольных шуток, от бездумного хохота, от липких поцелуев случайных и ненужных знакомых.

В ванной Лося она смыла и нестойкие воспоминания о демоне с «Бехеровкой», свои пьяные слезы по подруге, и теперь казалась себе чистой-пречистой, как будто только что народилась, а неонатолог отсосал из ее носа все сопли, что она не успела намотать на чужие жилетки.

Теперь надо было что-то решить с Лосем.

Лось. Да, Лось.

Анька не понимала, чего ему нужно от слова вообще. Какого черта Лосю от нее надо?!

Совершенно незнакомую девчонку он отнял из лап спаивающего мстителя в сопливом галстуке, привез к себе, не тронул, словом, повел себя не так, как повел бы себя любой мало-мальски обычный нормальный мужик. Судя по интерьеру дома, Лось богат, чертовски богат. Натуральное благородное дерево, камень, дорогие шторы и вид за окнами на миллион. Зачем такому Лосю пьяная девчонка, которая на даму высшего света ну никак не смахивает?!

«Он, может, дурак? — размышляла Анька, закутываясь понадежнее в полотенце. — Ну, мало ли, рост большой, земное притяжение тоже не маленькое, крови в голове катастрофически не хватает... Кислородное голодание, массовая гибель клеток мозга, и вуаля! Поддатая в хлам девица для него — приличная девушка, — Анька зафыркала, не сдержала хохота, — и он правда... он правда решил меня спасти от того, с «Бехеровкой»?! Да ну нафиг! Кто в наше время в такое верит?! Не-е, он, поди, маньяк! А не изнасиловал потому, что тело было в срань пьяно... Вот сейчас, когда я, чистенькая и розовенькая, выйду из ванной, он хищно накинется, и я героически погибну под рухнувшей на меня мебелью...»

Анька боязливо выглянула из ванной комнаты, но коварный Лось нигде ее не подкарауливал. По крайней мере, в обозримом пространстве — точно. Ему просто негде было бы спрятаться. Прямо перед дверями стояла высокая узкая ваза с какой-то икебаной, далее, за площадкой — лестница, ведущая вниз, а спальня — это надо пройти влево.

«Да не, где ему допетрить, что надо спрятаться и напасть... — отмахнулась от этой мысли Анька, осторожно ступая по деревянным половицам. — Это ж Лось. Говорю, ж, крови в башке не хватает, все дела... Однако, зачем он меня к себе-то приволок? Вот нафига ему пьяная девка, если ее даже трахать невозможно? Я чо, напросилась к нему в гости? На шею повешалась? Ой, стыдоба-а-а...»

Анька приоткрыла дверь в спальню и боязливо заглянула внутрь. Не то, чтобы она ожидала, что красавец-финн и правда прячется за дверью с намерением на нее напасть, но мало ли...

Финн, одетый все в ту же беленькую распашонку и какие-то невнятного серого цвета шорты до колен, лежал на постели, аккуратно и педантично заправленной, поверх роскошного покрывала, и читал книгу.

«Под умного косит», — почему-то со злостью подумала Анька, рассматривая мужчину.

Все ее нехорошие мысли о нем вдребезги разбивались о действительность. Его расслабленная поза, спокойное лицо, его руки... От взгляда на огромные ручки финна Анька снова почувствовала неясное томление в животе. Вот если б он просто коснулся ее этой ладонью...

«Делает вид, что читать умеет, сохатый...»

Она не понимала, почему ищет в симпатичном в общем-то человеке что-то неприятное и отталкивающее. Кроме того, что он очень сдержан и почти обжигающе холоден, у Аньки на финна ничего не было, ни малейшего компромата, а так хотелось найти...

«Да не верю я в добрых и хороших дяденек, которым ну ничего не надо от незащищенных голых девочек! — сурово подумала Анька. — Не верю!»

Финн поднял на нее свои спокойные серые глаза, и Анька почувствовала, что снова млеет от того, с какой силой ее манит заглянуть в них поглубже. С непонятно откуда взявшейся смелостью Анька широко распахнула дверь и прошествовала в спальню. Недолго думая, бухнулась на постель, рядом с финном, который теперь смотрел на нее с некоторым изумлением и интересом. Сердце ее дико колотилось, но не только от горячего душа.

— Давай, — скомандовала Анька, распуская на груди полотенце и тухнувшим взором умирающего глядя в потолок. — Насилуй меня. Разочтемся за спасение и разбежимся, как в море корабли.

Теплая огромная ладонь финна накрыла ее руки, остановив и не позволив развязать полотенце, и Анька сама умилилась от того, как они выглядели в его руке — как крохотные ладошки лилипута, маленького человечка.

Его огромная рука оказалась на удивление теплой и чуткой, и прикосновение сильных пальцев было осторожным, почти вкрадчивым, словно мужчина боялся ненароком причинить девушке боль.

— Это какая-то новая игра? — так же бесстрастно, не выдавая ни единой лишней эмоции, поинтересовался финн. — Почему «насилуй»? Вчера ты говорила, что предпочитаешь нежно.

— Испанский стыд, — выдохнула Анька, чувствуя, как щеки ее пылают. — Это когда я такое говорила?!

— Когда звала к себе, — ответил финн, внимательно глядя в Анькины страдающие глаза. — Ты просила сделать тебе хорошо и нежно.

— Я звала? И ты не воспользовался? — насмешливо уточнила Анька, впервые насмелившись глянуть в лицо мужчины.

— Я должен был быть уверен, что ты действительно хочешь этого, — ответил мужчина настойчиво.

Он словно почувствовал, что язвительная Анька вынуждает его поступить плохо, дурно, пытается вытянуть из его души какую-нибудь гадость, но уступать ей в этом не спешил.

— Пользоваться незащищенной девушкой нехорошо.

— Лось, ты всегда такой нудный?! — возмутилась Анька, поняв, что ее раскусили. Под его широкой ладонью было тепло и невероятно хорошо, и Анька очень захотела не думать ни о чем. — Если я с тобой поехала, это означает, что я поехала с определенной целью! И я вовсе тебе не «беспомощная приличная девушка», — внезапно Анька почему-то и от этого весьма лестного эпитета разозлилась. — Понял?

— Анри, — представился Лось, игнорируя обидное прозвище, данное ему Анькой. — Мне показалось, что вполне приличная, — еще более нудно и возразил финн, нарочно зля девушку сильнее. — Ты вчера отказывалась от выпивки вполне прилично. Если б он не подлил тебе в бокал...

— Вот хитрый, коварный Лось... — оторопело протянула Анька, понимая, что этот педант наверняка даже все капли «Бехеровки» посчитал, которые тайком от нее плеснулись в ее бокал с праздничным пузырящимся шампанским. — Подсматривал, кто чего мне подливает! Ты что, следил за мной?! — возмутилась Анька совершенно искренне.

— Присматривал, — поправил ее финн.

— То есть, наше столкновение не случайно, — зловеще клекотала Анька, нащупав, наконец, то недоброе, что так пристально пыталась разглядеть в мужчине. — Ты на меня глаз положил, и вовсе меня не спас, а шпионил и подкатил при первом же удобном моменте? Так?

— Не совсем так, — возразил финн. — Это ты ко мне подкатила. Я просто присматривал, чтобы тебе никто не причинил зла.

Внезапно Анька обнаружила, что финн находится от нее в опасной близости. Его гипнотизирующие серые глаза были снова прямо напротив ее глаз, его нос почти касался ее носа, а огромная лапища...

Коварные пальцы Лося сами распустили полотенце, развели его края в разные стороны, и теперь широченная ладонь мужчины поглаживала подрагивающее тело Аньки, ее округлую грудь, плоский девичий животик — осторожно, чуть касаясь, так нежно, что, наверное, его ладонь ощущала лишь нежную бархатистость ее кожи.

Анька едва ли не в струнку вытягивалась, чувствуя пятна тепла, оставленные на ней его ладонью, и просто проваливалась в небытие, понимая, что еще миг — и все случится, и она не сможет оттолкнуть Лося, а напротив — вцепится в него всеми конечностями, и зубами в ухо для верности, лишь бы только эти невесомые прикосновения не прекращались, лишь бы он гладил и гладил ее — до полного растворения в ласке, до полной отключки всех чувств и мозга разом.

Секс для Аньки был чем-то... странным.

Что-то вроде студенческого протеста с приковыванием себя наручниками к воротам посольства, вроде пьяного шумного праздника, легкой мишуры, которая сегодня красивая и сверкает, а завтра ее можно будет выбросить без сожаления в ведро. После него всегда наступало похмелье — сожаление, разочарование и смывающий воспоминания душ.

И только однажды Аньке было по-настоящему хорошо.

Тогда, в пору ее почти невинной юности, весь ее эпатаж и протест выражался в ярком макияже, взбитых на макушке волосах и кожанке в заклепках. Она была такая же, как все девчонки, и ни одна живая душа не подозревала даже, что папа Аньки — крупный воротила с приличными деньгами.

Тогда и его партнер — хищный, как акула, подтянутый, хитрый, обжигающе-опасный, — тоже не знал, кого подобрал у самого офиса фирмы.

Аньке он не понравился, а вот она ему — да.

И он принялся ухаживать, и очень скоро она, сама не понимая, как это произошло, оказалась у него в номере.

А потом было это — внимательные, гипнотизирующие глаза напротив, немного шампанского и руки — горячие ладони, которые касались и гладили невинное Анькино тело так, словно разворачивали шелк на мраморной драгоценной статуэтке. Бережно и нежно, так, как не касался никто и никогда.

От одних этих касаний Анька едва не кончила.

Что было потом, она помнила плохо; из глаз ее лились слезы, она в изумлении прижималась к мужчине, который целовал и целовал ее. И весь мир казался ей сплошным блаженством и болью одновременно.

Потом он уехал.

Анька, оглушенная первым чувством, сначала долго не понимала, что это такое произошло. Потом ждала, что он даст о себе знать. А еще потом что-то в голове ее переключилось, и любовь стала похожа на праздник.

Его долго ждешь и к нему готовишься, а когда он просто проходит, его выкидывают в мусорное ведро вместе с мишурой и блеском. Это не для каждого дня.

И вот теперь снова.

Касания рук Лося были такими, какими надо.

Анька уже толком не помнила лица своего первого любовника, но касания, теплую ласку, под которую хотелось подставить себя всю, она не спутала бы ни с какой другой.

С всхлипываниями она извивалась, подставляя под его нежные пальцы белоснежный бархат своей кожи, и первый поцелуй от нее он получил как взятку. Жалкое касание ее дрожащих губ, выпрашивающих, чтобы его руки и дальше дарили ей тепло и веру в то, что любовь реальна.

— Пож... жалуйста, — выдавила из себя Анька, едва не теряя сознания от подкатывающего волнами наслаждения, когда его пальцы осторожно и чутко провели атласно заблестевшую полосу меж ее груди. — Пожалуйста, возьми меня...

Лось прижался плотнее, навалился на нее, целуя уже сам, так, как Анька от него не ожидала — жадно, страстно, так, что у нее мгновенно вскипел котелок и крышечка зазвякала.

Его ладонь меж своих ног она восприняла как должное, тем более, что у нее все уже горело от возбуждения, и влагу на его пальцах ну никак нельзя было выдать за воду, оставшуюся на ее теле после душа.

Он гладил ее и там, меж ног, так же нежно и трепетно, и Анька едва не выла, едва не скулила, чуть не плача от сбывшегося кайфа.

Нетерпеливо впиваясь ногтями в его мощную спину, Анька стащила, содрала с него нелепую белую рубашечку и едва не захлебнулась от восторга, ощутив его тело на себе, горячее, сильное.

«Это что ж такое творится, граждане, — в панике думала она, покорно обнимая мужчину ногами, запуская пальцы в его волосы, и целуя его так долго, как не целовала никого в своей жизни. — Хитрый Лось помчит меня сейчас в Нарнию? Только б ключик не подкачал... Боженька, если ты меня слышишь и любишь — жги, Господь! Сегодня гуляем на все!»

Никакими ключами к Нарнии Лось не пользовался.

Его Нарния запиралась на хороший, добротный, крепкий засов.

Анька, размякшая и зацелованная, расслабленная, заласканная, вдруг ощутила, как нечто большое и упругое давит на ее слишком маленькую дырочку.

У Аньки от неожиданности распахнулись глаза.

Ее словно аккуратно, осторожно, но натягивали, надевали на кол среднего размера. Анька снова ощутила себя девственницей, и даже напугалась и сжалась, зажмурившись.

«Господь, а ты ближе, чем могло показаться! — подумала Анька и оглушительно взвизгнула, когда член Лося проник в нее. — Тут что, жертвоприношение меня в твою честь?»

От первого же толчка в ее тело — осторожного, глубокого, — у Аньки перехватило дыхание, и она вцепилась в Лося всеми конечностями, цапая ногтями его напряженную спину.

Пот тонкой испариной выступил на ее лбу, на висках, и Лось ласково пригладил ее влажные волосы, вытирая влагу, стирая скатившиеся по вискам слезы.

Слишком давно у нее не было этого — такого желанного и такого настоящего секса — который она восприняла бы отчетливо, а не как пьяное веселье.

Слишком реальное, слишком пугающее, слишком прекрасное, чтобы быть правдой!

Анька тихо рыдает потому, что воображаемый Боженька, кажется, решил подарить ей на Новый год все то, чего в ее жизни не было — настоящее, плотское, а не виртуальные придуманные игрушки, — и Анька ревет, благодаря кого-то, и Лося тоже, потому что этот огромный мужчина словно сам Бог, и слышит ее мысли, даже самые сокровенные, которые она сама еще не успела понять.

«Ну, хоть почувствую, как меня трахают, а не этот спуск бобслеиста-чемпиона», — думала Анька, храбрясь. Однако, Лось помнил о том, что она «любит нежно».

Его движения были осторожными, плавными.

Следующий его толчок вышиб напрочь дыхание из Аньки, но зато подарил ей чувство абсолютной желанной наполненности, которое прокатывается волной по ее телу, подобно ударной волне от взрыва по полигону, стирая все запреты и страхи.

Ладонь Лося, такая теплая, такая успокаивающая, поглаживала дрожащее бедро Аньки, и девушка расслаблялась, пуская мужчину глубже, еще, до самого бархатного доньшка, мягко, но так невероятно чувствительно.

Анька не понимала, отчего слезы градом катятся по ее вискам, и не слышала своего горячего, задыхающегося голоса, который твердил: «Еще, еще, пожалуйста, еще!».

Мужчина ласково стирал и то, и другое — ладонью отирая мокрые щеки, языком слизывая горячечные слова с ее губ.

Анька прикрыла глаза и блаженно откинулась назад, расслабив колени.

Губы мужчины целовали ее разгоряченный ротик, раз за разом стирая ее жалкие стоны, и Анька была ему благодарна за это.

Не будь этих жарких, по-животному жадных поцелуев, она бы орала, скулила и выла, как дикая самка, огрызающаяся волчица.

С каждым толчком в свое тело девушка отдавалась во власть мужчины все сильнее, изгибаясь, прикикая к нему без страха, и уже абсолютно не слыша своего голоса, который распался на жалкие рыдания, всхлипы, вскрики.

Ее руки жадно тискали его бока, и казалось, что Анька сама направляет его толчки в свое тело.

Его пальцы забираются в ее волосы, крепко прихватывают их и властно оттягивают назад ее голову, чтобы оставить красный след от поцелуя на ее дрожащем, задыхающемся горле.

И Анька снова кричит, от переполняющих ее чувств, от того, как он говорит, заявляет всему миру — «моя», — не говоря при этом ни слова. Терзая ее покорное тело, влажное, дрожащее и беспомощное, перемешивая в нем муку и сладость, невероятное наслаждение, не говоря ни слова, мужчина оглушительно заявил о своей страсти — пребольно куснув тонкую кожу, дрожащую всякий раз, когда голос Аньки рвался из ее груди.

— Я почти, я почти...

Еще один новогодний подарок от доброго Боженьки, в самой яркой глянцевой обертке. Оргазм.

Обычно какие-то смазанные, серые, как зарядка, как лишнее подтверждение, что тело ее здорово и функционирует так, как надо. Проверка. Техосмотр. Тест на пригодность.

Сейчас все было иначе.

Анька стонала и рычала, извиваясь на огромном члене мужчины, содрогаясь в сладких спазмах, выкручивающих все ее тело, и не сходя с ума только усилием воли.

Огромный член все двигался в ней, продлевая самую сладкую в мире муку, и Анька, бьющаяся под Лосем, царапающаяся и кусающаяся, как дикий зверек, понимала, что это будет длиться столько, сколько он посчитает нужным, и ей не вырваться из его медвежьих объятий.

И это прекрасно.

Глава 3. Дерзкий побег

— Лось, ты лучший...

Анька глаз не может открыть; ее тело сейчас ленивое, двигаться не хочется от слова вообще.

Она облизывает горячие губы и тотчас получает поцелуй — порцию необязательной, но такой сладкой ласки.

Вот это странно вообще; случайные любовники не целуют так. Они вообще не целуют после того, как получили свое. После — это время для быстрых скользких фраз типа «а не пора ли тебе», «я вызову тебе такси», «увидимся еще». Но Лось молчал.

Он все приглаживал Анькины влажные волосы и целовал ее — словно и в самом деле был влюблен, словно любовался ее раскрасневшимся лицом, — и прихватывал ее губы своими, чтобы в Анькиной голове отпечаталось навсегда — это не игра и не притворство.

Он все еще был в ней. Его член все еще наполнял ее лоно, хотя Анька уже чувствовала, как крепкая плоть становится мягкой и не растягивает ее тело так волнующе, и это было, пожалуй, жаль. Анька была бы не прочь повторить все еще разок.

«Я как парк юрского периода, в пещере которого сдох последний динозавр», — попыталась по привычке поерничать Анька, но шутка не нашла отклика в ее душе.

Вот конкретно сейчас над Лосем смеяться было не охота.

И влипать в эту невероятную, сладкую нежность не хотелось, потому что потом придется отирать себя с мясом, с болью, когда не захочется покидать его уютные объятья, когда подлый мозг поверит, что его руки, так умело дарящие тепло — это навсегда или, по крайней мере, взаправду.

— Ну все, — тихо произнесла Анька, изо всех сил стараясь смягчить свой голос и не допустить ни одной издевательской ноты, чтобы ненароком не обидеть Лося — вот же странная штука! — или Господа Бога, преподнесшего ей этого мужчину в качестве новогоднего подарка. — Мне правда было хорошо. Очень. Но пора и честь знать. Я снова в душ, и домой. Надеюсь, ты мне за воду счет не выставишь?

«Боженька, это был отличный Лось, самый классный секс и самый лучший Новый год в моей жизни! — казалось, Анька даже думает шепотом, чтобы не вспугнуть хрупкое совершенство этого дня. — Все было просто... отпадно. Ты лучший, Боженька. Спасибо. Вот за это — реально спасибо!»

— Домой? — переспросил Лось невозмутимо, не прекращая своих поцелуев. Его язык осторожно скользнул по ее губам, и Анька ощутила очередной прилив возбуждения. Вот так запросто, с полоборота — она снова хотела этого практически незнакомого человека, этого Лося. — Зачем тебе домой?

И Лось тоже хотел ее.

«О-о, — промелькнуло в голове у Аньки, — динозавр, кажись, ожил...»

— Жить я там буду, — сварливо ответила Анька, забывая свое искреннее желание не обижать Лося и стараясь не думать о том, что продолжение было бы очень кстати, и у нее появилась бы вполне законная причина целовать Лося, отвечать ему на его странную, такую трогательную нежность. В конце концов, он сам виноват, чего задает идиотские вопросы, поэтому заслужил порцию хамства. — Не тупи.

— А как же дети? — напомнил коварный Лось. — Ты мне их обещала.

Анька, до того блаженно млеющая в его руках, в изумлении распахнула глаза.

— Лось, — потрясенная, произнесла она, делая уверенные попытки выползти из-под мужчины, — ты, что ли, больной?! Упал, ударился головой? Какие дети?!

— Какие получатся, — резонно заметил Лось, внимательно глядя Аньке в лицо и не пуская ее.

— Лось, признайся: ты маньяк? Ты меня похитил, запрешь на своем ранчо и сделаешь инкубатором для твоих лосят?

Лось, как показалось Аньке, с досадой пожал мощными плечами.

— Я не запираю тебя, — ответил он и с неохотой отстранился от Аньки. — Двери открыты.

«Обиделся, что ли? Ну, надо же, какая тонкая душевная организация у лосей!» — сварливо подумала Анька, наблюдая, как Лось неспешно отыскивает свою распашонку.

Лось собрал свои вещи и неспешно вышел из комнаты, вероятно, направился в душ, и Анька осталась одна — в тишине, в своем колючем сопротивлении.

В «долго и счастливо» Анька не верила в принципе, а уж в любовь с первого взгляда и в желание Лося настрого лосят с первой попавшейся смазливой девицей — тем более.

Нет, ну серьезно?

У Аньки даже не хватало слов, чтобы сформулировать всю глубину ее недоверия к создавшейся ситуации. Легче поверить в то, что Лось и правда маньяк, чем в то, что он поверил, что свалившаяся к нему на колени нетрезвая девица в порыве благодарности нарожает ему ребятишек.

«Бред какой-то!» — ругалась Анька, чувствуя, что у нее мозг закипает. Ей казалось, что она слышит гаденькое лосиное хихикание, но от одного воспоминания непроницаемого лица Лося у нее рвались все шаблоны. То есть, он ее троллит? Издевается над ней, шутит? А где тогда смех, и вообще в каком месте смеяться?!

Завернувшись в свое полотенце, она тотчас же приступила к поискам на лосиной территории. Ну, мало ли... Вдруг за кровать завалились трусы его прошлых жертв, или на стене кровью написано «помогите»? Но ничего такого, разумеется, в комнате не было, и даже пол под кроватью блестел, как навощенный.

А вот безделушки на полочках — это было уже интересно.

Анька не успела даже поёрничать на тему, зачем такому огромному Лосю такая хрупкая мебель, как у нее мозг воспламенился от ярости.

Среди каких-то охотничьих мелочей — клыка хищного зверюги, охотничьего ножа в потертых кожаных ножнах, — стояли фотографии в рамках. На одной из них Лось попирает ногами убитого сородича, к слову. А на другой...

— Ну, надо ж было догадаться! — страшным шепотом произнесла Анька, осторожно взяв в руки стеклянную рамочку и испепеляя взглядом Лося на фотке. — Ах ты ж, Ромео парнокопытный, Дон Кихот ты сохатый... Папа, папа!..

Рядом с Лосем, в панаме и увешанный кармашками, как Вассерман, был запечатлен ее отец. Напрягая память, Анька припомнила, что с этими трофеями отец фотографировался в позапрошлом году. Значит, и Лося он знает давно.

Отец Аньки был заядлым охотником, Анька с младых ногтей видела чучела, перья, клыки и рога, и играла мелкими шариками картечи и тяжеленькими, хищными жаканами.

— Вот и нет никакой любви с первого взгляда, — с усмешкой произнесла Анька, возвращая фото на полочку. — А есть, скорее всего, папина безграничная опека. Поздравляю, папа. Это самый шикарный твой трофей! Реально завалил матерого. Но твои бизнес-партнеры — у меня это прошедший этап.

Отец Аньку любил безгранично, и Анька отвечала ему тем же. В принципе, у них были идеальные отношения — полное взаимопонимание, уважение и доверие, за исключением одного щекотливого пунктика.

Папа желал во что бы то ни стало пристроить дочку «за хорошего, достойного человека».

В его любящей отцовской душе Лось, вероятно, рождал ассоциации, связанные с каменными стенами, ну, на худой конец — с тем же шкафом. А что, мебель в хозяйстве всегда пригодится.

Но Анька для себя давно решила: никаких больше бизнесменов.

Не тех, с которыми работает отец.

Нет.

Ни в коем случае.

Тогда, давно... ей пришлось признаться отцу, что она встречалась с этим... с акулой.

Не то, чтобы Анька сильно страдала... хотя, конечно, страдала, но самой себе не признавалась в этом и упрятывала свои муки любви под хихиканье и беспечность.

Ей было невыносимо стыдно спрашивать у отца об этом человеке, еще более стыдно видеть в глазах отца понимание того, что произошло и почему Анька расспрашивает про Акулу.

Но на тот момент терпеть и ждать у нее сил больше не было.

Не было никаких сил.

Дальше — она это отчетливо понимала, как бы не веселилась и не дурачилась, — была бы только тоска и слезы в подушку. Глупая, сопливая, детская надежда и тягучие серые дни бесполезного ожидания. Такая перспектива Аньке совсем не нравилась, и она решительно поставила точку.

Да. Пришлось поставить точку.

Больше к вопросам об этом человеке она не возвращалась никогда, просто вычеркнув его из своей жизни, планов, надежд, памяти.

Но тут отец почему-то вдруг почувствовал себя виноватым, и принялся подыскивать Аньке утешительный приз, трофей, как она называла всех женихов, подогнанных ей отцом.

Один был Кролик, всем хороший чувак, но уж с больно подвижной, уморительной зубастой физиономией.

Анька правда не знала, чем руководствовался батя, знакомя ее с этим индивидуумом. Наверное думал, что если она и не выйдет за него замуж, так хоть поржет.

Другой был Удав. Длинный, тощий, скучный.

Но самодовольный и вальяжный, как Каа, обожравшийся мартышек.

Говорят, богатый до умопомрачения. И с Анькой у него возникло абсолютно полное, глубокое и взаимное чувство — чувство омерзения. На том и расстались.

— Теперь, значит, Лось, — бормотала Анька, поспешно натягивая на себя платье. — Да я тебе что, зритель зоопарка, что ли...

Лось из всего стада «женихов» очень выгодно выделялся, это Анька признавала.

Во-первых, в его внешности не было ничего смехотворного, и даже ключ от Нарнии... гхм... впечатлил ее скважину, скажем так.

Лось был красив — это факт.

Во-вторых, он не смотрел на нее свысока, как Удав с пятнадцатиметровой высоты на кусок говна.

В-третьих, он не стал хвалиться своими трофеями, кубкам, наградами и баблом, коего зарабатывает явно немало — и это был очень жирный плюс к его карме. А уж решительность, с какой он завалил Аньку в койку, и его действия без лишних предисловий и томных объяснений — это вообще плюс сто очков Гриффиндору. Но...

— Папины партнеры — это только папины партнеры, сам пусть с ними трахается...

План побега созрел в Голове Аньки тотчас же, как она поняла, откуда ветер дует, и под какими парусами к ней приплыл Лось.

Ну его к четьям собачьим!

Просить у него вызвать такси, чтоб с комфортом добраться до дома, она не собиралась. Вообще ни о чем просить его не хотелось. Это все равно, что у Удава попросить мороженого.

Он купил бы его, непременно купил, но вручил бы с такой физиономией, будто нагадил в этот вафельный стаканчик.

Отвратительно.

К тому же Анька не выносила собственной беспомощности, и ей легче было помереть, чем показать, ну хоть немного намекнуть Лосю, что она нуждается в его помощи.

— Благодаритель, блин, — сурово пыхтела Анька, крадучись спускаясь по лестнице вниз и держа туфли как молотки, чтоб в случае нападения отбиться их острыми каблуками. — Спаситель, блин...

Шкаф с одеждой Анька нашла не сразу, путем тыка.

Притом там она обнаружила не только остроносые щеголеватые ботинки сорок шестого размера, но и странные, уютные, мягкие, растоптанные до бесконечности угги. В каждый сапожок Анька могла запихать сразу две ноги, и совершенно не важно, как она надела бы эту обувь — правильно или задом наперед.

— Так, лыжи не трогаем, — решительно произнесла Анька, отодвигая в сторону надраенные до зеркального блеска ботинки Лося. — А то пришьет мне кражу, они ж поди дорогие, как крыло от самолета. А вот сапожки...

Помимо обуви Анька похитила у Лося совершенно необъятную куртку, которая висела на ней как простыня на пугале. Модная спортивная шапочка, сползающая на глаза, довершила образ.

— Доберусь до дома — верну, — грубо пообещала Анька, оглядывая тихий гостеприимный дом. -Адъёс, пупсик!

И она решительно вывалилась на мороз.

Глава 4. Вот это поворот...

На воле было одиноко, морозно и здорово.

Анька, шмыгая покрасневшим носом, уверенно топала по дороге в сторону каких-то непримечательных серых домиков, оставляя позади лосиный ширкарный особняк.

Со стороны он казался каким-то футуристическим домом прямиком из космической фантастики.

Летающая тарелка.

Впрочем, почему тарелка? Летающий куб. Призма.

Белый фасад практически весь застеклен, так что солнце заливает комнаты почти полностью. Анька несколько раз обернулась, даже не столько ради того, чтоб убедиться, что сохатый не копытит за ней, а чтобы полюбоваться его хатой. Круто живут некоторые...

И погода — ему что, по спецзаказу зиму подвезли? Выписал снега из Антарктиды? Это сияющее зимнее морозное утро никак не походило на вчерашнюю серую Питерскую слякоть и липкую сырость, пробирающие трясучей дрожью до костей.

«Далеко вывез, — соображала Анька, рассматривая сосновый бор, тянувшийся вдоль дороги, мелодично и звонко поскрипывающий на чуть заметном ветру. — До самого лосиного заповедника ташил, аж до сердца своей веселой фермы! Наверное, рассчитывал, что меня испугает то, что я далеко за городом, и я, такая, скисну, заплакаю, запричитаю. А он будет меня утешать, утешать, пока я не привыкну и пока у меня тоже лосиные рога не отрастут. Ну что же ты, папа! — укоризненно подумала Анька, обращаясь к родителю. На Лося злиться было бесполезно, он человек посторонний, с Анькиным темпераментом не знакомый, всего лишь покорный инструмент в руках заботливого папаши. — Мог бы и предупредить будущего зятя, что меня и открытый космос не испугает. Все равно домой потопаю».

Анька еще раз хмыкнула и подумала о том, что еще пару раз утешиться с Лосем она была бы не прочь. Лось утешал, зараза, правильно. Качественно так, зараза, утешал, уговаривал, находя нужный... темп речи, так, что у Аньки трусы намокли от одного воспоминания о лосиных аргументах.

Она вынуждена была остановиться и переждать острый приступ желания, приплясывая на месте и стискивая онемевшие от мороза дрожащие коленки, обтянутые капроновыми чулками. Нет, на морозе мокрые трусы — это совсем не подходящие ощущения. Скорей в тепло!

В Анькином клатче, переливающимся на ярком зимнем солнце как серебряная чешуя волшебной говорящей щуки, обнаружились деньги, документы и чьи-то сигареты.

Телефон, разряженный в ноль, отыскался в кармане ее собственной куртки, поверх которой Анька нацепила лосиную шкуру.

Трясушимися руками она пересчитала купюры, витиевато выматерилась, глядя на весело блестящий пластик карт. Куда тут, в лесу, вставлять эти карты?! Лося в рот, и тянуть за уши, до полной выдачи наличности?

Денег было мало, но... Должно хватить, чтобы заплатить попутке. Пусть только вывезут ее из этой сказки «Морозко»...

Дома, до которых Аньке пришлось бежать, подвывая и приплясывая, при ближайшем рассмотрении оказались корпусами какой-то спортивной базы. Воображение Аньки тотчас нарисовало ей ряды разноцветных лыж, спортсменов в ярких дутых костюмах, шуршащих ляжками при каждом движении.

«Тут Лось себе ботинки покупает, ага», — не упуская случая обстебать огромные ноги Лося, подумала Анька, потянув на себя дверь. Внутрь она ввалилась в облаке белого пара и взвыла от счастья, потому что замерзла неимоверно, а сейчас ее обняло теплом, сглаживая острые уколы мороза с голых ног.

«Интересно, если лыжи попросить, я добегу до гостиницы, или по дороге оледенею? — шмыгая носом, тихо воя и растирая красные коленки озябшими ладонями, думала Анька. — Блин, это ж надо так напиться... Первое число, а я в чулках, в ворованной фуфайке на лыжах посреди леса... феерично!»

— Кофе, — скомандовала Анька, приземляя свою продрогшую пятую точку на высокий стул у барной стойки. Бармен, патлатый и небритый, в веселеньком вязанном свитере (наверное, любящая бабушка собрала остатки пряжи всех цветов, чтобы сотворить сей шедевр) как-то странно на нее посмотрел, но промолчал. Кто знает, что там его смутило — то ли Анькины голые ноги, то ли туфли, торчащие их карманов лосиной одежды, то ли спадающая на глаза шапка.

«На себя посмотри, кабанячья морда! — мысленно выругалась Анька, куриными замороженными лапками выцарапывая купюру из кошелька. — Харя заросшая, дремучая, словно еще вчера в подлесе хрюкал!»

Анька припала к горячему бумажному стаканчику с горячим пойлом, как к вечному источнику жизни, но тут Кабан почему-то взбунтовался и начал визжать что-то на непонятной тарабарщине, размахивая предложенной Анькой купюрой у девушки перед носом.

— Чо тебе надо, половозрелый Пятачок, — огрызнулась Анька, не желая выпускать из озябших ладоней спасительную горячую влагу. — Сдачи, что ли, нету? Понаберут гастарбайтеров из непонятных ебеней...

— Мы эт-т-та нэ-э-э прин-н-нима-а-аем! — нараспев, неуклюже произнес он с толикой раздражения. — До границ-ц-цы дал-леко-о...

— Водяры вы с утра прин-н-нима-а-аете, — в тон ему ответила язвительная Анька, сгребая со стойки тысячную купюру. — Окабанел в корягу, что ли?! Я, по-твоему, из-за копеечного кофе рвану до канадской границы?

— Евро, евро! — рассмотрев в ее пальцах знакомые бумажки, и Анька присвистнула.

— Снобы бесстыжие, — совершенно искренне обижаясь за неуважение к отечественной валюте, произнесла Анька, как шестерку на погоны, выкладывая Пятачку пятерку. — Зажрались вы тут, в своем вип-зоопарке!

Пятачок не ответил, только недружелюбно засопел, буравя Аньку недобрый взглядом и натирая до блеска высокий тонкостенный бокал. Анька, глядя в его светлые, действительно какие-то поросячие круглые глаза, поняла, что слишком круто взяла с самого начала.

«Фу-х, нервы ни к черту! — подумала она, отогревая руки об бумажный стаканчик и чувствуя, как у нее зубы чкают друг о друга, то ли от холода, то ли от потрясения всем случившимся. — Надо бы прикусить язык, а то местные отметелят меня и прикопают в сугробе. Этого еще не хватало...»

— Мне бы до Питера добраться, — более дружелюбно обратилась она к Пятачку. — На попутке, или, не знаю, на автобусе. Ходит от вас автобус до Питера?

Пятачок неприязненно глянул на нее и совершенно отчетливо надул губу. Так, чтобы Анька как следует рассмотрела презрительную оттопыренность под его светлыми усами.

«Ёперный театр, — потрясенная, подумала Анька. — Обиделся! Ну давай, поломайся еще, как девочка!»

— Мне в Питер, говорю, надо, — крикнула Анька так, словно говорила с тугоухим. — Але! В Питер! Мне! Надо!

— Не-е-е зна-а-аю-ю, — зловредно ответил Пятачок, посверкивая глазами из-под белесых ресниц.

— Вилле! — заорал вдруг он, и снова залопотал что-то на непонятной тарабарщине.

Тут в душу Аньки закрались первые сомнения, но они были настолько фантастичны, что она тотчас отмела их, как невозможные, небывалые, невероятные!

«Да ну нафиг», — обалдело подумала Анька, оглядываясь по сторонам.

Народу было немного, совсем немного, как и полагается первого числа нового года, но все они были какие-то... не такие.

И Вилле — господи, лишите родительски прав людей, которые такими именами называют детей! — вальяжно подваливший к барной стойке, был ну... вообще не такой.

Это был аккуратный, чистый и яркий мужичок невысокого роста, такой плотный и мощный, как свая, которую уже до середины вбили в землю.

Приземистый и крепкий такой мужичок, в серой, черт подери, рубашечке, похожей на пижаму одичалого дровосека. Знаете, такая, с пуговками на жопе, с отстегивающимся матерчатым окном...

Туловище этой ходячей сваи было квадратное, необъятное, а вот шеи не было предусмотрено совсем, отчего голова воспринималась не как отдельный думающий орган, а некоторый вырост на мощном тельце. Так, поросший пшеничного цвета шерстью бугорок.

Длинной шерстью, к слову.

У Вилле были длинные золотые локоны — о господи, как это мило! — рассыпавшиеся по плечам, и хорошая такая борода дровосека. Да и сам Вилле, с его косолопой вальяжной походочкой, в шуршащих ярких лыжных штанах на лямках, здорово походил на Винни-Пуха, решившего изобразить из себя брутального медведя.

— Что над-до? — почти не тормозя, произнес Вилле, оценивающе рассматривая Аньку с головы до ног. Девушка усмехнулась — надо же, какой шустрый, как соображает быстро, быстрее, чем Пятачок, молодец!

— В Питер мне над-до, — передразнила его Анька. — Деньги есть. Подбросите?

Винни-Пух тем временем пристально изучал ее ноги, торчащие из лосевых угг как пестики из колоколов. И чем ниже опускался его взгляд, тем сальнее становилась волосатая рожа плюшевого хищника. Видимо, изученные территории Анькиных ног ему понравились, и Винни-Пух решил вдруг изобразить из себя опасного и циничного самца.

— Как ты сюда попал-ла, — произнес он, оттягивая лямки своих лыжных штанов и громко шлепая ими. Жест вышел какой-то нехороший, недобрый. Анька, затравленно озираясь по сторонам, как улитка в домик, втянула ноги под лосевую фуфайку, но это помогло мало.

Винни-Пух говорил медленно, но соображал быстро. По торчащим из карманов каблукам и чулкам этот похотливый медведь сообразил, что Анька беспомощнее и незащищеннее краба-отшельника, потерявшего свою раковину.

Привлеченные их диалогом, оборачивались и другие посетители бара, и Анька, замечая их вспыхивающие взгляды, поняла, как она выглядит.

Как сбежавшая от заказчика элитная проститутка. Вероятно, даже обворовавшая того, кто ее заказал.

Какая нормальная девушка будет бегать по престижному жилому комплексу по такому морозу полуголой? Да никакая.

Только профессионалка, которая уже нюхнула жизни и морально готова ко всему, хоть в битву за Сталинград.

Ну, или такая дура, как Анька.

— Вы не понимаете, — залепетала Анька, понимая, что чертовски испугалась, что просто обмирает от ужаса, потому что этот похотливый Винни-Пух все ближе и ближе, и его заросшая волосами физиономия все гаже и гаже, — мне домой надо, меня папа ждет... Он оплатит дорогу, правда оплатит...

— Конечно, — подтвердил Винни-Пух, опасно хватая Аньку за руку.

Анька заорала.

Она вопила так громко, что в глазах потемнело, и тени сгустились в углах бара, а потом рука плюшевого насильника вдруг отдернулась, и до Аньки дошло, что это не глаза у нее от страха лопнули, а Лось своим присутствием погасил все краски в баре.

Его темная громадная фигура собой закрывала все окно, и Винни-Пух, ухваченный за шкуру, виновато висел, всем своим видом выражая глубочайшее раскаяние и отчаянно кося под унылого ослика Иа.

Пара мордovorотов габаритами чуть меньше Лося, с каменными мордами теснились у дверей. Они собой закрывали выход, как пробка в бутылке, и присутствующие в баре, только что жаждущие Анькиной крови и плоти, делались маленькими и незаметными, кукожась и втягивая головы в туловища и в высокие воротники своих нарядненьких свитерочков.

— Лось, спаси меня, — побелевшими губами пролепетала Анька, опасливо высовывая ноги из своего кокона. — Детей не обещаю, но вечную благодарность...

Лось, встряхнув Винни-Пуха для полного просветления рассудка, аккуратно поставил его на пол, и тот начал пятиться, на глазах багровея, как помидор, часто кланяясь и бормоча что-то невнятное. Черт знает, что сказал ему Лось на той же самой тарабарщине, но Анька уже почти была уверена, где она, и что это за язык, на котором изъясняются местные... И от этого, от осознания собственной неосторожной глупости становилось еще страшнее.

— Зачем ты убежала? — произнес Лось, подступая к Аньке вплотную. В его серых глазах был упрек, а его волосы влажно блестели, даже толком не расчесанные после душа, и Анька, всхлипнув, одним прыжком повисла на его шее, болтая ногами в углах, торчащими из-под нелепой куртки.

Наверное, Лось даже толком намыленную спину не ополоснул. Так и мчался с мокрой жопой по сугробам — ее спасать. Это было ужасно мило и ужасно смешно, но Анька почему-то разревелась. Лось обнял ее — осторожно, нежно, — и поцеловал куда-то в район макушки, в краденную шапку.

— Я домой, — бормотала Анька, заливаясь горячими слезами. — Кофе зашла попить. А этот у меня пятерку отжал...

Лось молча и зловеще глянул на бармена, и тот, волшебным образом обретя способность понимать русский язык, ловко бросил на стол замыленную сдачу. С висящей на его шее Анькой Лось шагнул к стойке, сгреб деньги и молча опустил их в карман пальто, надетого на него. Анька уже не ревела. Она висела молча, глядя вниз, на волочащиеся по полу не завязанные шнурки его щегольских ботинок. Запах, исходящий от его черного пальто, был Аньке почему-то знаком, и подспудно она знала почему.

— Лось, где я, — произнесла она.

— В Финляндии, — конечно, ответил он. — Я же тебе вчера говорил, где живу.

— Лось, — замогильным голосом продолжила Анька, чувствуя, как гадкая память начинает разворачивать перед ней все больше и больше воспоминаний, — как я сюда попала?! Кто меня пустил в Финляндию?!

— На самолете.

— Кто меня пустил в самолет?!

— А кто бы не пустил тебя в самолет? Это мой личный самолет. Правда, совсем небольшой.

Глава 5. Сделка века

— Лось, ты лучший... Круче тебя только папа и Боженька...

Анька не помнила, когда б еще она рассыпалась в комплиментах перед мужиком, а молчаливый Лось заработал уже два самых смачных комплимента по личной шкале Аньки. И ей было не жаль похвалить его и в третий раз.

Лось стащил с себя черное шикарное пальто на атласной подкладке и завернул в него Анькины голые ноги, как стебли цветов в красивую упаковку. Зачем-то взял ее на руки и снова чмокнул в макушку, и Анька поняла, что все еще испуганно хлюпает носом, отходя от испуга и стыда.

Дурой Анька не была; она прекрасно понимала, что вся ее бравата, все ее подколы не спасли бы ее от Винни-Пуха, если б тот действительно решил ее изнасиловать. Да что б он не задумал — никакая самоуверенная харизма не помогла бы. Он мог не насиловать, он мог уволочь ее в полицейский участок, и кто знает, как долго Анька просидела бы там до выяснения всех обстоятельств, сколько позора огребла бы за свою необдуманную выходку.

Лось же мало того, что повторно спас ее, так еще и проявил просто чудеса такта. Вместо нравоучений, криков и обвинений, которые Анька заслужила — по своему скромному мнению, — он окружил ее деликатным молчанием, уютным и спокойным.

— Лось, ты замерзнешь, простынешь и умрешь, — на улице от влажных волос Лося заметно поднимался пар, но тот лишь отрицательно мотнул головой. Черный огромный автомобиль зловеще сверкал на солнце, один из мордovorотов угодливо придержал дверь перед Лосем и стоял рядом, изображая собственную нужность, пока Лось устраивал сверток с Анькой на заднем сидении и устраивался сам.

В автомобиле Лось снова взял Аньку на руки, хотя она походила то ли на сверток из тряпок, то ли на бомжа, бережно прижал к себе и снова чмокнул в макушку, успокаивая, убаюкивая на руках. Слушая, как в его мощной груди бьется сердце и шмыгая носом, Анька колупала пуговку на его белой рубашечке-чехле от танка и думала.

Ее потрясение от приключения было так велико, что память, до этого строившая целку-недотрогу, отдалась вся и полностью, угодливо в самых мельчайших подробностях расписав вчерашний день и, собственно, знакомство с Лосем.

И в свете этих воспоминаний Лось показался Аньке святым и в личной рейтинге обогнал папу, уверенно встав на второе место после Боженьки.

Приставучего говнюка с «Бехеровкой» Лось устранил одним движением брови.

Наверное, это лосевые двое из ларца, одинаковы с лица, на него напали, вонзили бутылку с алкоголем в то место, где наилучшее всасывание, и прикопали в скудном сером снежке Питера. Но, так или иначе, а Анька вдруг ощутила, что вокруг нее стало тихо и спокойно, и ото всей души поблагодарила нового знакомого, который, казалось, изучал Аньку словно под микроскопом, поблескивая серыми холодными глазами.

— Спасибо, — душевно произнесла она, несмотря на мертвецкое опьянение. — Меня от лимонада-то развозит, а тут водка... если я умру завтра, то знайте сейчас: большего блага для меня не делал никто.

— Может, подышим свежим воздухом? — внезапно предложил новый знакомец. — Вам станет легче.

— А что, — обрадовалась Анька, — давай!

Сигареты, что обнаружили в клатче Аньки, принадлежали какой-то неизвестной девице.

Просто когда Лось встал и оправил на себе пиджак, этих девиц на него налетело как мух на известный продукт жизнедеятельности.

Нетрезвая Анька даже заревновала и хотела отпихнуть его с криком «кобелина!». Но увидев хищно вспыхивающие глаза красавиц, поняла, что это всего лишь охотницы за богатым мужиком, каких даже на закрытые тусовки проникает просто миллион, так что ревновать было так же глупо, как к стулу, на котором сидела задница Лося.

Далее вся эта компания — Анька, старательно дышащая холодным сырым воздухом Питера, Лось и висящие на нем гирлянды нарядных девиц, — долгое время тусовалась на огромном балконе, опоясывающем здание.

В Анькиной руке, откуда ни возьмись, появилась зажженная сигарета, хоть Анька и не курила, и дальше она весь разговор только и делала, что красиво водила ею в воздухе да стряхивала пепел.

Как девицы раскрутили Лося на откровенность, Анька не помнила, но зато отчетливо услышала, как он признался — нет, не женат, — и девицы радостно завизжали, как чертовки на Лысой горе.

Далее произошел такой мощный прессинг Лося, что Анька с усмешкой подумала, что с этого балкона Лось если и выползет живым, то глубоко женатым человеком.

Девицы очень умело преподносили ему свои таланты и добродетели и умело, практически профессионально вели разведку на предмет материальной обеспеченности своей жертвы. Глупенькими прелестными голосами они щебетали «а можешь ты дать...» и с каждым вопросом повышали ставки.

И на каждый вопрос Лось давал утвердительный ответ — да, могу.

Девицы визжали все восторженнее, и, кажется, уже начали посматривать друг на друга недобро, выбирая ту, которая первая отправится в полет вниз с балкона. Назревала битва за самца.

— Милый, ты король Скандинавии, что ли, — огрызнулась Анька, рассматривая гуляющий в честь Нового года Питер. На тот момент она еще помнила, что нового знакомца зовут Анри, что он финн и живет в Финляндии, а тут он по делам фирмы — и по приглашению партнеров. — Я знаю, чего ты не можешь дать.

— Интересно, — произнес Лось, буквально впиваясь в Аньку взглядом. — И что же это?

Профессионалки перебрали уже все варианты благ, которые можно страсти с Лося, будучи его женой.

Драгоценности — да, наряды — да, яхты и путешествия — да, лучшие курорты на самых теплых побережьях — все да.

Анька, вслушиваясь в его ответы, молчала; то, о чем грезил эти хищные девочки, для нее не было недостижимым чудом, и ее этим не удивить.

Теперь же Лось с интересом ожидал от нее запросов, вероятно решил, что она самая крутая и самая хищная из всех.

И Анькино уверенное «не можешь дать» больно резануло его огромное лосиное самомнение. Ну, или он пожелал узнать глубину Анькиного падения по размеру ее алчности. Что за запросы у этой девицы, говорил его заинтересованный взгляд.

— Что же такого вам нужно, — произнес Лось, подходя вплотную к Аньке, сидящей на парапете. Их глаза оказались почти на одном уровне, и Анька в очередной раз стряхнула пепел с самостоятельно истлевающей сигареты.

Со стороны могло показаться, что Лось торгуется.

Как всякий бизнесмен, он желает знать, какую цену он должен заплатить за предложенный продукт, коим являлась потенциальная невеста в лице Аньки, и Анька насмешливо фыркнула, уловив деловую нотку в разговоре о любви и браке.

— Честность, — ответила Анька дерзко. — Можешь ты быть честным, вот так, чтобы всю жизнь? Вот сказал — и сделал?

Финн от неожиданности смолк, наморщив лоб.

— Что это значит? — спросил он после некоторого замешательства. — Это как?

— Ну, — Анька сделала неопределенный жест. — Можешь ты сделать так, чтобы твои слова «я навсегда твой, это любовь, детка» не превратились поутру в «эй, я просто хотел переспать с тобой»? Ты красивый мужик, — щедро произнесла Анька, хотя обычно не в ее правилах было говорить мужчинам такое. — Правда. Очень. И я, наверное, даже пошла бы с тобой, если б ты подвалил и честно сказал: «Эй, крошка, ты мне приглянулась, пойдем проведем жаркую ночь!». Но только чтобы честно. Без «я потом позвоню», без «как-нибудь встретимся». Просто честно обозначить свои намерения. Девчонки все дуры. Они ведь ведутся на волшебные три слова «я тебя люблю». А мужики их охотно говорят, потому что девчонки ведутся.

— А как надо? — поинтересовался Лось, сверкая серыми глазами.

— А надо, — назидательно ответила Анька. — Надо... Ну, можешь ты мне пообещать, что только меня любить будешь, и выполнить это? Можешь обещать, что никогда ни на кого не помотришь, кроме меня, никого не захочешь, можешь сказать «я весь твой» — а потом выполнить это? Можешь?

— Да, — произнес Лось после некоторого раздумья, внимательно глядя Аньке в глаза, словно бросая вызов. — Могу. Годится!

Его слова здорово походили на согласие в сделке, и Анька снова зафыркала, подумав, что только что навязалась в жены совершенно незнакомому мужику за чисто символическую плату.

— Тогда я вся твоя! — Анька раскинула руки, приглашая Лосю в свои объятия. — Хоть сейчас под венец!

— А как же любовь? — вкрадчиво поинтересовался Лось.

— Если ты будешь таким, каким наобещал быть, я влюблюсь в тебя если не с первого, то со второго взгляда, — беспечно отмахнулась Анька.

Ни слова больше не говоря, Лось подхватил Аньку на руки и понес ее в светлое будущее.

«А теперь, стало быть, он выполняет данное мне обещание», — подумала Анька, вспомнив все это.

— Лось, а правда, — шепнула Анька из своего кокона, шмыгнув в очередной раз носом, — ты зачем меня сюда приволок?

Лось глянул на нее, зачем-то поправил шапку и просто ответил:

— Ты мне понравилась. Ты не была похожа на охотницу за моими деньгами.

И это было самое невероятное.

Поверить в то, что вот этот мужик — красивый, богатый, серьезный, — с первого взгляда втрескался в нее по самые свои лосиные уши и начал плясать под ее дудку, было невозможно. Полюбил, тут же сделал предложение, тут же привез в свой дом, а теперь возится с ней, пожиная плоды ее дурости?!

— Тебя отец попросил меня развлечь? — спросила Анька. Лось снова внимательно глянул на нее.

— А кто твой отец?

Анька назвала имя. На непроницаемом лице Лосю, как на испорченном табло, не высветилось ни единой эмоции, но Анька почувствовала его удивление.

— Еще скажи, ты не знал, — недоверчиво пробубнила она, и снова осеклась, встретив строгий лосиный взгляд.

— Я похож на человека, который будет врать? — спросил он, и Анька поверила ему тотчас же.

Да, с отцом она не сталкивалась, когда уходила с вечеринки с Лосем.

С матерью — да. Мать Лосю видела, и Лось мать видел. Но не факт, что он знаком с ней и знает, чья она жена. Мать на охоту с отцом не ездит...

И та кудахтала, как наседка, пытаясь удержать, ухватить Аньку за руки, но на Аньку напала веселость.

— Мама, я замуж выхожу! — кричала она весело. — Если сильно повезет! Боже, как мне будет завтра стыдно...

— Не будет, — пообещал Лось скорее матери, чем Аньке. И вот это обещание он выполнил железно — пьяную ее трахать не стал. Он реально вел себя так, будто воспринял ее пьяный треп про честность серьезно. Обалдеть...

— Лось, поцелуй меня, — пробубнила из своего теплого кокона Анька. — Сию минуту поцелуй.

Лось снова глянул на нее своими холодными глазами, и в них промелькнуло что-то, похожее на нежность.

— Я накажу тебя за твои выкрутасы, когда приедем, — пообещал он.

— О да, накажи, — оживилась Анька. — Только сейчас поцелуй...

Лось ткнул какую-то кнопку, и с легким жужжанием поднялось стекло, отделяющее шоферское место от пассажирского сидения. Анька даже засмеялась, увидев эти неспешные и основательные приготовления к поцелую. Лось был просто соткан из всего основательно, размеренного и качественного.

— Это значит да? — спросила Анька, хихикая.

— Это значит да, — подтвердил Лось.

Глава 6. Лосиный брачный танец

Когда Лось целовал Аньку, он даже был похож на человека. Очень похож.

Не на холодного разговаривающего Терминатора, а на живого, теплого человека, чьи губы ласкали Анькины губы так сладко, так мягко и страстно, что ей мгновенно стало жарко в коконе, в который Лось ее заботливо завернул.

Лось и сам теперь нетерпеливо пытается отыскать тепло ее тела среди одежек, в которые он укутал Аньку, но максимум, что ему удастся — это погладить ее спинку. От кожи его отделяет алый атлас платья, и его пальцы нетерпеливо мнут, комкают ткань. Лось крепче прижимает Аньку к себе, целуя ее все нетерпеливее, все откровеннее и страстнее, так, что Анька начинает постанывать. Его ладонь, путаясь в одежке, спускается вниз, жадно прихватывает ягодицу Аньки и ныряет в ее трусики. Касание получается вкрадчивое, но такое бессовестное, откровенное, что Анька вскрикивает. Ее голеньякая нагретая жопка помещается в его ладонь как большое яблоко, и его пальцы поглаживают ее упругую кожу, пока один — самый коварный, — протискивается меж Анькиных сжатых бедер и погружается в сливочную мягкость ее тела. Анька горячая и мокрая, и это Лосю нравится. Его жесткий палец погружается в ее жаркую дырочку, нарочно дразнит, поглаживая там, на чувствительном входе, растирая тягучую влагу, находит упругий клитор и начинает его катать неспешно, как крохотную горошинку, касаясь лишь подушечкой.

Анька пытается кричать, но поцелуи Лося ей мешают. Он зажимает ей рот своими губами, прихватывает ее язык, запускает свой язык в ее рот, и Анька понимает, что попалась. Сладко, невыносимо сладко попалась, и Лось с места не двинется, пока не наиграется, пока она не кончит ему в руку.

Это было так развратно, так дико и так живо, по-настоящему, что Анька послушно вскидывает трясущиеся колени, позволяя Лосю гладить ее там, в ее сокровенном местечке, и кончает почти мгновенно, чувствуя, как Лось пальцами считает мягкие спазмы ее горячего нутра. Он затирает ее жалкие стоны поцелуями, и не торопится убирать руку. Теперь движения его пальцев в ее теле хищные и жесткие, и Анька понимает, что снова попалась. Наказание от Лося будет серьезное, он готов растерзать ее тело.

Теперь Анька рада, что у Лося есть мордовороты, эти двое из ларца.

Потому что можно распахнуть дверцу машины и покинуть ее, не заботясь о том, что будет с ней дальше.

Можно раскидать в холле вещи, не прекращая целоваться, и не думать о том, кто уберет пальто и блестящие ботинки, чтоб они не попортились от воды. Анька обвивает плечи Лося руками, обхватывает его ногами, приникает к нему, ласкаясь почти одержимо, запускает в его волосы пальцы с яркими острыми ноготками. Она тоже хочет услышать подтверждение его страсти, хриплое частое дыхание. Лось поддерживает ее под бедра, но кажется, что он весь растворяется в поцелуях, ласки мягкого Анькиного языка стирают последние мысли в его голове, и Анька нетерпеливо ерзает в его руках, трется о его грудь своею, и шепчет жарко:

— Неси меня наверх, мой северный олень, будешь шлепать меня по жопке за непослушание.

Босые ступни Лося спешно пересчитывают ступени, и Анька уже видит краешком глаза знакомую дверь спальни. Ну, давай знакомиться заново, теперь все по-настоящему, по-взрослому, так, как должно было быть вчера!

В комнате пасмурный полумрак; Лось задвинул плотные шторы, и от них комната погружена в серые сумерки. Лось не спешит в постель: раздеть Аньку, распотрошить ее яркую обертку, кажется, для него такое же удовольствие, как и секс. Он с удовольствием распускает застежку на ее платье и толкает его вниз, позволяет скатиться с ее бедер к ногам. Его широко

кая ладонь накрывает Анькину поясницу, и девушка отчаянно стонет. Ей кажется, что жар его руки пронизывает ее насквозь, ласка опутывает невидимыми нитями, и Анька извивается, погибая от острого возбуждения, тая в его ладонях. Она уже готова на все, но коварный Лось не насытился ее откровенным желанием, ее изнеможением. Он прижимает ее к белоснежной стене — бархатно-нежно-серой в этих ненастоящих, волшебных сумерках, — поднимает ее руки над головой и гладит, гладит ее извивающееся тело до тех пор, пока Аньку не начинает трясти от нетерпения, пока меж ног ее не становится еще более мокро и жарко. Его ладонь цепляет ее острые соски, прикрытые только кружевами лифчика, и Анька вскрикивает — а потом извивается еще сильнее, стараясь сама задеть его руку часто вздымающейся грудью.

— Мучитель!

Она выворачивает свои тонкие запястья из его ручищи и толкает его в грудь. Ее цель — постель, и Лось позволяет себя усадить на неприбранные с прошлого их раза простыни. Анька сдирает нетерпеливо с него рубашку и горячими губами прижимается к его груди, жадными ладонями сжимает необъятные плечи мужчины.

— Какой ты красивый, — вырывается у нее, и Лось в темноте вздрагивает, когда ее губы касаются его живота.

Анька чуть слышно смеется, когда под своими руками ощущает дрожь. Рука Лося касается ее прохладного плеча самыми кончиками пальцев, и он чуть слышно, так трогательно и беспомощно стонет, когда Анька добирается до его члена. Когда ее губы накрывают горячую крепкую головку, Лось невольно подается вперед, и его пальцы делают чуть заметную попытку привлечь Аньку к себе плотнее. И Анька не против.

Она ласкает его языком в самых чувствительных местах, сжимает губами жесткую плоть, неспешно вылизывает горячую кожу, потешаясь над тем, какой Лось становится шелковый и беспомощный от ее ласк. Разомлевший, расслабленный, он приподнимается, чтобы посмотреть на коварную соблазнительницу, ощущая поцелуи на своем животе, и снова обессиленно откидывается назад, на спину, когда Анька накрывает ртом жесткую головку его члена.

Анька обычно была не в восторге от таких ласк, но заполучив в руки Лося, поняла весь смысл и кайф. Огромный и сильный мужчина был всецело в ее власти, подчинялся ее неспешным движениям, боясь лишний раз пошевелиться, а ее возбужденные от поцелуев губы терлись о его член, удовлетворяя потребность в ласке, в касаниях. Она нежно поглаживала ладонью мощный ствол, лаская языком головку, и чувствовала, как Лось дрожит под ее рукой напряженной мелкой дрожью, весь поглощенный наслаждением, которое она ему дарила.

Член у Лося реально был огромный. Если б Анька увидела его впервые, она б напугалась и не осмелилась бы иметь с Лосем дело, но она уже отведала его однажды, и знала, как это может быть непередаваемо хорошо. Чествуя, как он твердеет в ее руках, ощущая каждую вену, Анька понимала, что бессовестно намокает, и Лось это чувствует. Его ладонь дотянулась до ее тела и поглаживала неспешно ягодички, обводя пальцами их округлости. А потом Лось мазнул между Анькиных бедер, помассировал истекающее соком лоно, и Аньке пришлось выпустить его из своих цепких лапок и изо рта, потому что ей срочно захотелось покричать.

Она уткнулась лицом в постель, стиснула зубами простыню, чувствуя, как коварный Лось гладит ее меж ног и понимая, что власть ее над ним кончилась. Анька была такая мокрая, что пальцы Лося легко скользили по ее телу, от одной дырочки до другой.

— Даже не думай, Лось, — только и успела пискнуть Анька, чувствуя, как пальцы Лося обследуют ее зад. Но тотчас получила легкий шлепок по ягодичке.

— Ты наказана, — буднично напомнил Лось, и Анька почувствовала, что его бессовестные пальцы проникают в нее сзади. А потом она поняла, что сейчас ей будет туго во всех смыслах этого слова, потому что член Лося надавил на вход в ее лоно, и Анька заскулила, думая, что Лось ее сейчас просто порвет пополам.

Но этого не случилось.

Движения Лося были плавными, осторожными, глубокими. Он придерживал ее под живот и толкался в ее тугое, узкое тело, уже не сдерживая свих хриплых стонов, полных удовлетворения, и Анька вторила ему, то вскрикивая, то дыша часто-часто, сходя с ума от разврата, который творился здесь, сейчас, с ней. Руки Лося творили что-то невообразимо, и та, что ласкала ее сзади, и та, что поглаживала ее животик, так страстно и жадно, что у Аньки ноги тряслись от одного только этого касания. Чуть замедлившись, Лось склонился над девушкой и любовно куснул ее в спинку, прижал Аньку обеими руками сильнее к своему паху, и той ничего не оставалось сделать, только лишь покорно расставить дрожащие ноги шире.

— Сильнее, — выла Анька, нетерпеливо крутясь в его руках. — Ну же, сильнее! Еще, еще!

Лось услышал.

— Потом пощады не проси, — шепнул он ей на ухо и прихватил губами горячую мочку, сильно толкаясь в ее дрожащее тело.

Его движения стали резче, глубже, и Анька извивалась и вопила, елозя на его члене, яростно крутя задницей, оставляя уже безо всякого внимания тот факт, что в ее теле, сзади, поглаживают пальцы Лося.

Она терзала постельное белье, извиваясь, и когда пришла разрядка, Аньке показалось, что спазмы охватили все ее тело и выжали даже воздух из ее груди. Она вздрагивала и корчилась, чувствуя дикую пульсацию меж ног, чувствуя, как ее тело сжимает плоть Лося, и чувствуя, как он замирает от того, что приходится протискиваться с трудом, и вздрагивает всем телом, кончая.

— Ты убийца, Лось, — шепчет Анька, чувствуя себя опустошенной. Лось вытрахал из нее все силы, всю твердость из мышц, и Аньке хочется только одного — свалиться на бок, растечься лужицей и лежать, глотая прохладный воздух.

И она заваливается, а Лось заваливается на нее, накрывая ее своим тяжелым телом.

Его сердце часто бьется, он неспешно вжимается бедрами в Анькин зад, будто подтверждая свою власть над ней, двигаясь в ее лоне еще, но эти ласки уже ленивы и больше похожи на легкие касания.

— Лось, ты лучший, — шепчет Анька, млея, чувствуя мягкие проникновения его ослабевающей плоти, как подтверждения того, что даже сейчас мужчина не насытился ею и жалеет о том, что все кончилось так быстро. — Я почти люблю тебя, Лось.

Глава 7. Акула

И это утро можно было бы назвать самым лучшим утром за последние десять лет!

Анька никогда не спала раньше ни с кем в том самом смысле, который и называется — спать.

Ей всегда казалось, что это ужасно неудобно, чужие руки и ноги будут ей мешать, торча в самых неподходящих местах, как выпирающие корни деревьев из земли. Но все оказалось не так. Она заснула на груди Лося как убитая, доверчиво сопя ему в плечо, и казалось, что уютнее и удобнее на свете нет.

Лось проснулся раньше нее, чуть свет — черт знает, что его разбудило.

Вроде как завозился на тумбочке телефон, вибрируя и наигрываю какую-то полудетскую мелодию. То ли кто-то звонил, то ли сработал будильник. Анька недовольно засопела, натягивая на себя одеяло и с закрытыми глазами ловя Лося, поднимающегося с постели.

— Не уходи, — бормотала она, пытаясь нащупать его. — Я замерзну. Зима близко.

Лось, кажется, засмеялся — событие века, а она его проспала! — чмокнул ее в плечо и натянул на нее теплое одеяло, заботливо подоткнул его со всех сторон.

— Спи! — велел он строго.

А Анька уснула, заботливо закопанная Лосем в теплый кокон.

Когда она проснулась во второй раз, за окном было сияющее утро в разгаре.

Потирая глаза, потягиваясь, Анька с трудом отыскивала одежду, выданную ей вчера Лосем — его огромную футболку, которая ей была до колен, словно платье средней длины, и теплые тапки, сшитые из кусочков фланели, — и решила таки, что пора вставать.

Неспешно приводя себя в порядок, Анька слышала, как внизу неспешные финские голоса обсуждают что-то. У Лося были гости — и, судя по тому, как Лось наседа, бормоча что-то требовательно и особенно нудно, это были какие-то деловые партнеры.

«Наверное, денежки прохлопали, — злорадно подумала Анька, завязывая на макушке хвостик и спускаясь по ступеням, осторожно перебирая ногами, обутыми в огромные теплые тапки. — Щас Лось на рога поднимет этих лошар, ха-ха! Ишь, как злится...»

Лось выругался, крепко и грязно; Анька, не знающая финского языка, поняла это по слабой попытке собеседника Лося оправдаться. Но Лось не принимал оправданий.

Ворча, как голодный финский волк-матерщинник, Лось метнулся куда-то под лестницу, и Анька, сверху с интересом наблюдающая эти нервные телодвижения, даже засомневалась, а стоит ли ей вообще показываться, дабы не попасть под горячую руку.

Но голод был сильнее здравого смысла, и Анька продолжила спуск. К тому же, внизу соблазнительно пахло кофе и свежей выпечкой, и Анька здраво рассудила, что она-то заслужила их больше, чем всякие косячники, фукающие денежки.

Все так же неслышно ступая мягкими фланелевыми лапками, она спустилась по лестнице.

Внизу, сразу за холлом, в гостиной, кто-то был.

Получив нагоняй, он бубнил под нос обиженным голосом, и Анька с любопытством подгребла ближе, стараясь рассмотреть на спине неизвестного проколы от лосиных рогов.

А когда рассмотрела человека, с которым только что ссорился Лось, чуть не села на жопу прямо на пол, от неожиданности отпрянув и поскользнувшись.

У мини-бара, отряхиваясь, словно драный воробей, потрепанный кошкой и приглаживающий перышки, прикладываясь к виски, сидел... Акула.

Анька узнала его тотчас, с первого взгляда, словно и не было этих лет, разделяющих это прекрасное утро и тот серый московский день, когда Акула исчез из ее жизни, как она тогда подумала с тоской, навсегда.

Тот же острый, резкий профиль, щеголеватый пиджачок, манера пить — сначала покрутить в длинных пальцах бокал, затем одним глотком хапнуть вискарь, как воду...

Мир вокруг Аньки погас и онемел, в ее ушах зазвучал высокий фоновый звук, как в телевизоре в час профилактики.

Она бесшумно, как приведение, шла вперед, и ее прошлое было все ближе и ближе к ней. Сказать, что Анька была потрясена — значит, не сказать ничего.

Она меньше удивилась бы, если б Лось позвал ее к столу, на котором в качестве парадного блюда лежал бы Акула с яблоком во рту и с бумажными цветами в заднице, запеченный в собственном соку.

В своей галантности и желании угодить Аньке Лось мог бы запросто чиркнуть ножом об вилку и отвалить ей на тарелку кусок акульего филея.

Но Акула был жив и здоров, и на халяву жрал Лосиный элитный алкоголь, словно имел на это полное право.

Его глаза поблескивали как стеклянные, так знакомо, Акула отрешенно смотрел в одну точку, будто весь его привычный мир рухнул, оставив после себя постапокалиптические руины, и потрясенная Анька, всматриваясь в черты старого знакомого, мгновенно поняла, отчего Лось вообще вызвал у нее такой интерес.

Да они же похожи, мать их финскую русской рукой да за ногу и об пол!

Одинаковые глаза, одинаковые волосы, одинаковая манера складывать губы в улыбке!

Акула был меньше ростом, чем Лось, и на его фоне казался тщедушным, но это, пожалуй, было единственное отличие. В остальном...

«Братя, — упавшим голосом — если это только возможно — подумала Анька, лупая глазами и глядя в лицо улыбающемуся Акуле так, словно вместо лица у него была обратная сторона луны, населенная коротышками. — Это же надо так вляпаться...»

— Здравствуй, говорю, русская красавица, — повторил Акула, дружелюбно рассматривая Анькино помертвевшее лицо. До Аньки дошло, что он уже не первый раз здоровается с ней, и она, усилием воли прогнав нехорошую дурноту и выйдя из ступора, лишь кивнула ему, усаживаясь рядом на высокий стул.

— Плесни и мне каплю, — выдохнула она мертвым голосом. — Надо выпить... за встречу.

Акула выполнил ее просьбу все с той же ясной, мягкой улыбкой, и Анька, одним глотком опрокинув в себя обжигающий горло виски, с ненавистью уставилась на него.

Улыбаться, обволакивать обаянием, нравиться женщинам — это Акула умел.

Если бы Лось мог так располагающе и мягко, полупечально, полурадостно улыбаться, цены б ему не было.

На него пачками кидались бы не только девицы, находящиеся в режиме «поиск», но и добропорядочные матроны, и ходил бы Лось, с трудом переставляя ноги с прицепившимися к ним мертвой хваткой бабами.

Но Лось был Лосем; молчаливым, хитрым и замкнутым.

Он мог тихо сидеть в углу, стеклянно поблескивающими глазами рассматривая всех и все подмечая, выбирая жертву, а потом ап — и ухватить ее, поразив точно в сердце. Так, как это произошло с Анькой.

«И это отлично, что он такой!» — подумала Анька, мысленно салютую Лосю.

— Аня, Аня, Аня, — произнес Акула, подперев рукой голову и разглядывая девушку затуманенным взором. Если бы Анька не знала его, она могла бы подумать, глядя на этот умильный взгляд, что встреча с ней растрогала Акулу, и его память полна приятных воспоминаний. Да вот только Акулы не умеют умиляться. — Что ты тут делаешь?

Анька не нашла, что ответить.

Если бы все было иначе... если б Лось был иной, Анька могла бы смело накатить еще пятьдесят грамм, и цинично и прямо ответить: «Трахуюсь!».

А потом посмотреть Акуле в глаза и задать все те вопросы, которые бы поставили его в неудобное положение, практически раком.

«Милый! Как давно я тебя не видела!»

«Милый, а куда ты тогда пропал?!»

«Милый, я тебя так ждала!»

«Милый, а когда наша свадьба? Я этого очень хочу!»

Она бы влезла Акуле на колени, уселась бы голой жопой на его брюки со стрелками, сжала бы его коленями и ухватила бы за галстук, как за поводок, притягивая его бестолковую башку к себе поближе и изрыгая свои ласковые ядовитые слова прямо в его скукоживающиеся уши.

«Милый! **ЛЮБИМЫЙ МОЙ!!!**»

Она болтала бы и болтала б всю эту розовую сопливую чушь щебечущим голоском, глядя, как самодовольное акулье лицо делается все кислее и кислее, держала бы его за галстук, чтоб этот гад не мог сорваться и удрать, и наслаждалась бы его агонией, многократно повторяя слово «свадьба».

Свадьба, свадьба, свадьба. Ты обещал. Свадьба!

Акулу бы корчило и ломало, как грешника на раскаленной сковороде. Как черта от святой воды.

«И контрольный в голову — свадьба! Я была беременна и уже родила тройню. Дети, идите, обнимите папу. Папа — детям нужен отец и свежие памперсы!»

Но был Лось, с которым — Анька вдруг осознала это со всей ясностью, — она не просто трахалась. С Лосем все было серьезно с первого мига. С первого слова. С первого поцелуя. С первого прикосновения там, где касаться может далеко не всякий. И даже ради мести Акуле Анька не могла себе позволить произнести, выплюнуть хамовато это похабное слово — трахаюсь...

«Лось, какого черта?! Что у тебя за дурная наследственность?! А вдруг народятся лосята с акульими плавниками?! Да я ж их в колыбели передую!»

— Я тут в гостях у братца твоего, — ответила Анька недружелюбно, все еще смакуя в воображении сцены, в которых с Акулы слезает шкура при соприкосновении со свадебным костюмом. — А ты что тут делаешь?

Акула рассеянно пожал плечами.

— Тоже к брату приехал, — ответил он туманно.

Анька промолчала, прекрасно зная, зачем щеголь-Акула явился к Лосю.

Если бы в свое время, краснея от стыда и заикаясь, признаваясь отцу в порочащей связи с его партером, она навела бы справки, то наверняка узнала бы, что Акула так себе бизнесмен.

Херовый бизнесмен был Акула.

Слишком самоуверенный, высокомерный — и слишком безответственный.

В те давние времена он руководил семейным бизнесом, но за очень короткий срок сумел все пустить по ветру.

Любовь доступных девок, внимание дорогих, элитных женщин интересовали его больше всей этой непонятной чепухи вроде активов, договоров, инвесторов...

Словом, и из жизни Аньки он исчез потому, что ему спешно пришлось уехать домой, с абсолютно голой жопой.

Отец, узнав кто вскружил Аньке ее юную глупую голову, скрежетал от ярости зубами.

Репутация у Акулы была хуже некуда, и отец разрывался между «обнять и плакать» и «максимально надрать задницу».

Но зареванная Анька была такая жалкая и потерянная, что любящий отец выбрал первый вариант. Он пощадил нежные девичьи чувства; он не стал рассказывать Аньке обо всех непотребствах, что учинял ее возлюбленный.

Он промолчал обо всем. И о том, где найти, как выйти на связь — тоже умолчал.

— Анечка, девочка моя, — ворковал он, приглаживая лохматую Анькину макушку. — Откуда ж мне знать... вроде, открывают филиал в Южной Америке... то ли в Мексике, то ли в Бразилии...

Хотя в своих мыслях отец посылал Акулу куда как дальше.

Анька потом сама, по своим каналам, разузнала об исчезнувшем любовнике все.

Там слово, тут байка... Вот и сложился в ее голове образ соблазнителя и разведенной на секс «чистенькой» лохушки.

Жизнь сурова.

Впрочем, и Акулу она не пощадила.

От управления фирмой его отстранили, и в главе встал Лось — надежный, основательный, крепкий. Младший, но умный.

Он выровнял дела в максимально короткий срок, впахивая так, что ни одному северному оленю и не снилось, а Акула, этот веселый прожигатель жизни, остался висеть у него на шее, исправно вытягивая деньги у успешного родственника на веселую жизнь, ибо зарабатывать сам он не умел. Как-то не получалось.

— Так ты, стало быть, теперь ловишь дичь покрупнее, — небрежно произнес Акула, намекая на то, что между ним и Анькой теперь создается некоторая конкуренция на получение лосевых денег. — Повзрослела, поумнела...

От этих подлых инсинуаций Анька аж захлебнулась и некоторое время не могла выдавить из себя ни слова. Что?! Деньги?!

«Милый, да мне папа дает больше, чем Лось тратит на корм для рыбок, включая тебя!» — подумала Анька, с насмешкой глянув на Акулу. Но тот воспринял ее взгляд как насмешку, как вызов, и откинулся назад, глядя на девушку с пренебрежением и превосходством.

«Ну, давай, нападай, — с насмешкой подумала Анька. — Победи девчонку! Смелей!»

— А Анри понравится, — вкрадчиво произнес Акула, гнусно усмехаясь, — что я трахал тебя? Ну, у братьев принято донашивать друг за другом свитера и коньки, но женщин?..

Глава 8. Лось и Акула

— Кем ты представилась? Журналисткой, моделью? Кем? Как смогла лечь под него? Анри ведь у нас умный, — в голосе Акулы послышалась издевка. — Разборчивый... Не то, что московская золотая молодежь, трахающая все, что шевелится. Как ты умудрилась его уломать? Сколько нудятины ты выслушала, прежде чем он решил раздвинуть твои ноги? Таких дешевых смазливых девочек пруд пруди, и ни одну он домой не тащил. А тут смотри-ка, сразу в дамки... Ты учти — я таких прожженных хищниц, как ты, за версту чую. И не позволю положить на денежки Анри твою хорошенькую когтистую лапку. Поняла? И даже по старой дружбе — нет.

Анька расхохоталась, глядя, как Акула аж трясется от жадности.

Своим звериным чутьем он унюхал, что Анька для Лося значит очень много, а это могло означать если не полное отлучение Акулы от семейного кошелька, то частичные урезания его финансов точно.

Вероятно, это урезание уже произошло.

Скорее всего, утром Лось отказал Акуле в его очередной просьбе. И теперь Акула воочию видел причину этого отказа — Анька. У Лося появился кое-кто поинтереснее, на кого можно тратить. И Акулу это злило, очень злило и беспокоило.

— Лассе?!

Тяжелый Лосиный голос прервал липкое грязное бормотание Акулы, и Анька едва не расхохоталась Акуле в лицо.

Лассе, забор покрасьте...

Значит, Лассе, а никакой не Андрей, не Артур, не Бьерн и не Гарольд. Сколько он имен примерил на себя, каждой новой знакомой дарил нового себя и новую личность. Эксклюзив!

Анька в своих поисках зашла далеко.

Даже создала Клуб Бывших, и они, девчонки разных возрастов, разных социальных статусов, с разными историями и разными жизнями — студентки, начинающие модели, официантки, — как-то собрались в баре, рассказать о своих глупых мечтах друг другу и обмыть свои разбитые коварным соблазнителем сердца.

Одной он представился как Иннокентий.

Анька помнила, как они с девчонками, уже порядком наклюкавшись, просто катались с смеху, повторяя это странное, длинное имя.

— Инно... кентий, — выла Анька, утирая слезы, катящиеся градом. — Такими именами тока члены интеллигентов называть...

Было смешно, да...

— Что ты несешь, — зло прорычал Лось, багровея от ярости. — Что это значит? Анья, что он говорит? Это правда?!

Акула не стушевался. Не потерялся, не смутился под лосиным тяжелым взглядом, хотя казалось — Лось сейчас подбежит, сдернет братца со стула и растопчет его насмерть.

Для Акулы Анька была всего лишь глупой московской девчонкой, которую он оприходовал, и совсем неважно, что досталась она ему девственницей.

Сегодня девственница, завтра нет...

Если она здесь, в доме Лося, значит, таскается по модным тусовкам, где Лось ее и подобрал.

Ищет себе кошелек потолще.

Сколько у нее было попыток ухватить добычу пожирнее? С той поры, когда она была всего лишь дерзкой наивной девчонкой, прошло много времени. Под сколькими толстосумами она успела побывать?

Лассе безразлично поморщил губы, чувствуя свое превосходство.

Что бы там не связывало Лося и эту девку, он-то, Лассе, был первым.

Собрал сливки. Над ним никогда не станут потешаться, никогда не сделают из него дурака эти бабы.

А вот Лось, этот мнящий себя умником зануда, кажется, попался на дешевый развод дешевой девки. Об этом Акула подумал особенно зло, мстительно, испытывая гадкую радость.

— Ну а что такого, — откинувшись на барную стойку, продолжил Акула, никем не останавливаемый. — теряешь хватку, братец, э? Раньше за мной донашивал ботинки, теперь подбираешь девочек из-под меня? Впрочем, ты всегда был вторым, братец...

Голова у Акулы не отлетела только потому, что он успел уклониться.

Лось преодолел разделяющие их несколько метров буквально одним огромным прыжком и почти не замахиываясь, влепил сокрушительную плюху в наглое гладенькое лицо.

Он метил в челюсть, в изрыгающий мерзкие слова рот, и Акула понял это.

Перспектива провести остаток жизни без зубов его вовсе не радовала, и он, сорвавшись с места, поднырнул под руку Лося, желая удара избежать и сбить Лося с ног, обхватив его руками.

Но просчитался.

Вместо челюсти удар пришелся прямо в лоб, и Акула, закатив глаза и раскинув руки, готовый обнять весь мир, рухнул на спину.

На лбу, стремительно наливаясь багровой темнотой, виднелся яркий отпечаток от перстня, который Лось носил — серебряная безделушка с буквой «а». Обведенная ободком, эта буква на лбу Акулы здорово смахивала на символ @ — собака.

«Собака и есть!» — ожесточенно подумала Анька, приканчивая виски одним глотком.

— Ладно, мальчики, — произнесла она, неспешно поднимаясь и чувствуя, как у нее ноги подгибаются — от злости, от отчаяния, — вы тут играйте со своими сломанными велосипедами, а я поехала домой. Спасибо за приют. Все было очень мило.

— Почему?!

Это единственный вопрос, который задал Лось, влетев в спальню вслед за Анькой.

В его серых глазах тлела кровавая ярость.

К тому сокровенному, что у Лося было, к настоящему, приложил свой грязный тухлый плавник Акула — Анька отчетливо это понимала, прочувствовала всей кожей горечь и унижение, которые пережил Лось. «Второй», — издевательское слово, когда дело касается женщин. Особенно любимых.

— Лось, не тупи, — рычала Анька, натягивая свое платье. — Ты же заметил, что я не девочка, милый? Я же у тебя не спрашиваю, сколько мисс Хельсинки у тебя отсосали?

Она привычно ерничала и шутила, хотя хотелось плакать.

Лось зажмурился, сжал кулаки. Кажется, от удара он перстнем повредил руку, и Аньке очень хотелось подойти, взять его теплую лапицу и посмотреть, что с его пальцами, которые умеют так ласково касаться ее кожи, подуть на ссадину и затереть губами боль.

Но она сдержалась.

«Лось, прости. Я не хотела, чтоб тебе было больно. Откуда я вообще могла знать, что...»

— Я тоже не спрашиваю, — тяжело произнес он, — ни кто, ни сколько... но почему с ним?! Он же...

Дальше Лось замолк, не находя подходящих слов, чтобы охарактеризовать своего братца, и затряс головой, словно хотел вытрясти из разума даже крохотные крупинки мыслей о том, что его Анька — его любимая женщина! — была когда-то с... Лассе.

«Да, Лось, да, милый, — горько думала Анька. — Ты прав. Лассе — это помойка. Это дно, Лось, и я его пробила. Но так вышло».

Однако, Лось заслуживал объяснений.

Он должен был знать, что все грязь, которую вываливал Лассе — это все его, его гнилая душонка.

— Почему, Лось? — переспросила Анька, дрожащим от стыда и боли голосом. — Почему? Да потому что мне было семнадцать лет, Лось! И я была глупой дурой, еще глупее, чем сейчас! Да, да, это возможно! И я влюбилась, Лось, впервые в жизни я полюбила не мальчика из соседнего двора, а мужчину. Первое взрослое чувство, Лось. Ты знаешь, как это бывает? Помнишь, как смотришь на того, кого любишь? Я просто верила всему, что он говорит, Лось. Я тогда еще не знала, что у некоторых их грязные мясорубки чавкают все подряд, я понятия не имела, что он каждой говорит «люблю, женюсь, заведем детей и собаку!». Я не знала. А он запросто лязгал своей грязной мясорубкой, он всем вываливал слово «люблю», как порцию тухлого фарша в железную миску! Вот поэтому.

Лось молчал. И Анька замолчала, решительно тряхнув головой, отвернулась и продолжила сборы.

Почему теперь она решила убежать?

Да потому, что ей нестерпимо захотелось сначала дочиста отмыться от гнусных слов Акулы, содрать к черту всю кожу мочалкой, а потом начисто вымыть из головы все мысли и воспоминания о Лосе.

Чтобы даже краешком сознания не видеть, не слушать и не помнить выражение его глаз, когда Акула произносил свою «изобличительную» речь.

Аньке было нестерпимо больно, что Лось хоть на секунду, но посмотрел на нее глазами этого лживого, скользкого мудака, хоть на миг — но поверил, допустил мысль о том, что она, Анька — просто потаскуха, которой вдруг повезло.

И вот от этого хотелось бежать, спрятаться, зажать голову между собственных коленок и сидеть лягушечкой сто лет, пока на спине не вырастет мох и все знакомые не умрут! Вот после этого можно будет разогнуться и начать новую жизнь. С чистого листа.

Нет, потом-то Лось вспомнил, с кем имеет дело. Вспомнил, кто она — и кто его брат, у которого ядовитый язык без костей. Акула обо всех думает и говорит гадости только потому, что сам такой. Он на всех натягивает свою личину только потому, что не понимает, что может быть иначе.

Но от этого не становилось легче.

— Прости, — произнес Лось. — Анька, прости меня.

— Лось, — сухо и холодно оборвала она, упрямо мотнув головой. — Давай не будем. Так вышло, что у нас ничего не склеилось. Задолго до нашего знакомства. Ну, ничего. Бывает и хуже.

— Анька, нет! — Лось упрямо повысил голос. — Я не отпущу тебя. Прошу, — он выставил вперед огромные ладони, и Анька облизнула мокрые губы, поняв, что глотает соленые-пресолёные слезы. С козырей зашел, знает, что она тащится от его прикосновений... Но на этот раз твоя хитрость не проканает. — Давай ты возьмешь себя в руки, успокоишься, а потом мы поговорим. Я тебе обещаю — я никогда больше не послушаю Лассе. Я не пушу его на порог. Никогда. Только не уходи, Анька.

— Лось, вызови мне такси, — велела Анька, не слушая его абсолютно и стремительно направившись к выходу. — Я лечу домой.

— Анька! Пожалуйста, пожалуйста!..

Анька не вслушивалась в лосиное бормотание. Он что-то говорил еще, но она упрямо не хотела понимать ни единого его слова.

— Такси, — настаивала она. — До аэропорта.

Акула уже пришел в себя и как ни в чем не бывало продолжал бухать, прижимая к ушибленному лбу лед, завернутый в полотенце. Пока Анька металась, разыскивая свою куртку, он

неспешно набрал номер и она услышала заветное слово — «такси». Лось налетел на Акулу, отнимая телефон, но было поздно.

— Зачем ты сделал это?!

Впервые Анька слышала, как Лось в ярости орет.

Даже стекла дрогнули.

Одному Акуле все нипочем.

Кажется, Лось выбил ему все мозги, если этот скользкий хореk не боится — или же этих плюх было так много в жизни Акулы, что на сегодняшний день выбивать было просто нечего...

— Желание дамы — закон, — ответил он, разведя руками. — Она хочет уехать, значит, пусть едет. Ты что, хочешь, чтобы она привлекла тебя за то, что ты ее насильно удерживаешь? Этого ты хочешь? А потом хочешь платить ей за шантаж?

— Тебя никто не просил вмешиваться в мои дела! — прогрохотал Лось, долбанув кулаком по барной стойке да так, что подскочила бутылка с виски. — Какого черта ты вообще притащился?!

— И очень хорошо, что притащился, — ядовито ответил Акула. — Не то она бы окружила тебя. Ты еще благодарить меня будешь!

Анька не стала слушать перепалку братьев. Подвывая, тыкая непослушными пальцами в дисплей, она набирала отцу.

— Забери меня, папа...

Глава 9. Три хитреца

Когда Анька уселась в такси и уехала, Лось вернулся в дом и молча налил выпить и себе.

Акула, изящно отирающий разбитый лоб льдом, старательно делал вид, что ничего не произошло. На его холеном лице застыло выражение мрачного торжества и самодовольства. Да, он получил по морде, но выиграл намного больше — как ему казалось.

— Какого черта ты все портишь, — выдохнул Лось, глотнув виски и с силой сжимая бокал в ладони, словно желая раздавить его, выместить на стекле свою злобу. Пальцы его тряслись, и стекло угрожающе поблескивало, но Лось словно не замечал опасности — все вертел бокал и давил на его гладкие стенки...

Услышав вопрос, обращенный к нему, Акула оживился, презрительно зафыркал.

— Я порчу? — с деланным удивлением произнес он. — Я?! Ты совсем мозги растерял — тащить в дом тусовщицу?! Я же, кажется, доходчиво объяснил тебе, что это за девица. Я ее снял прямо на улице. И кочевряжилась она недолго, хоть и оказалась целкой. Думаю, после того, как я ее распечатал, с другими она кочевряжилась еще меньше. Красивую жизнь она любит; выглядит неплохо, ну-у-у-у, думаю, у нее много... источников доходов.

Лось зло скрипнул зубами, бокал в его ладони хрустнул, рассыпаясь, и кровь яркими пятнами закапала на стойку.

— Закрой свой рот, похотливая грязная скотина! — взревел Лось, размахиваясь и швыряя в Акулу массивным донышком от бокала — все, что осталось целого. Акула увернулся, дно бокала разлетелось вдребезги о стену за его спиной, но мелкие осколки и капли крови все же попали в него, и он, брезгливо отряхиваясь, подскочил с места.

— Совсем рехнулся?! — завопил Акула, тщетно отряхивая испачканную белую рубашку. — Из-за какой-то дешевой бляди?!

— Она не блядь, — зарычал Лось, стискивая окровавленной рукой салфетку. — И уж тем более не такая дешевая, как ты думаешь. Ей не нужно охотиться за моими деньгами, урод ты этакий! Она дочь Миши.

— Кого?! — осторожно переспросил Акула, прекратив свои попытки отчиститься.

Миша — это было самое волшебное, самое лакомое, самое прекрасное имя, которое Акула только слышал в своей жизни. Из уважения к всемогущему Мише Акула даже никогда не назывался этим именем, знакомясь с девицами.

Наверное, берег его на случай, если придется кадрить королеву Великобритании.

Отец Аньки, еще будучи финансовым директором фирмы, казался всем окружающим просто всесильным богом. Встав во главе фирмы, он превратился в человека огромнейшего влияния в своей среде.

Уютный, мягкий, добродушный человек с алмазным по твердости характером. Казалось, его слова — негромкие, но такие точные, — распиливают любые аргументы против, и Миша, этот непостижимый волшебник, мог одним взмахом руки достать любую сумму.

Вообще любую.

Он мог тряхнуть как следует начальницу — Веронику, — и та подписала бы какую угодно бумагу. Миша мог запросто попросить у кого-нибудь взаймы, и ему не то, что дали — принесли бы на блюде, в зубах бы приволокли, радостно подпрыгивая.

В свое время Акула, профукав все, на Мишу очень рассчитывал.

Во-первых, они вели вместе дела, и Акула наивно полагал, что Мише выгодно процветание партнера.

Во-вторых, они дружили семьями — как думал Акула.

Подросший Лосенок проявил интерес к охоте и мог неделями шляться по лесу, дичая, зарастая щетиной и покрываясь лесной грязью как леший.

Миша всегда был приветлив и добр, всегда справлялся о здоровье всех финских родственников, которых в глаза никогда не видел, и Акула думал... думал...

Впрочем, что он там думал своим древним нижедевономским мозгом, лишенным извилин, было совсем не важно.

В очередной раз сорвав сделку — валялся пьяным после очередного загула с девочками, — Акула был вынужден выплатить огромную неустойку и с позором вылетел из мира богатых и успешных. Думая, что Миша поможет ему выпутаться из создавшейся ситуации, Акула долго пытался попасть к нему на прием, но Миша встречаться с ним не стал.

В отличие от Акулы, у Миши мозг был самого новейшего образца, с количеством извилин больше, чем у дельфина.

Миша не был бы собой, если б не знал досконально все о своих партнерах и если поручался бы за разгильдяев, а тем более — помогал бы материально идиотам, не умеющим вести дела.

А вот Лосю Миша помог.

Лось это скрывал, щадя уязвленное самолюбие брата, но Акула не вчера на свет появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.